

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ
ПЕРО
РУСИ»

МАГАДАН

Интеллигент

№ 9 2019 г.

Здравствуйте, дорогие читатели!

Я ничего не знаю о Магадане. Да и откуда мне знать что-то или даже интересоваться, живя фактически в другой части света? Точнее, так было всего год назад, сейчас я могу сказать, что кое-что о Магадане я уже знаю. И каждый раз, работая над очередным номером «Интеллигента Магадан», я узнаю всё больше и больше о городе, о Колымском крае, об его природе о людях, живущих, живших, родившихся, работавших там.

В газете стараниями учредителя, Сергея Львовича Малашко, собираются авторы со всего мира, но большинство публикаций принадлежат перу магаданцев, колымчан. Интервью с выдающимися представителями региона, статьи и, конечно, стихи и рассказы, проникнутые любовью к родному Краю, ведь родились они там, или судьба свела с этой землёй, она всегда будет родной для них.

Мне кажется, только у магаданских авторов есть какая-то особо крепкая связь с малой родиной. В творчестве практически всех авторов, с которыми мне удалось познакомиться на страницах газеты, очень важное, если не центральное, место занимают работы о Колыме, об интересной, хоть и не самой радужной, истории области, о специфическом быте, уникальной природе, о земляках. И эти темы раскрываются с большой любовью, настоящей привязанностью к окружающему и окружающим. Я предполагаю, что речь здесь не просто о «родовой памяти» или «тяге к корням», это должно быть что-то дру-

гое. Далёкая от «большой земли» местность, суровая, пропитанная страданиями, упорством и мужеством, а также сплочённостью и взаимовыручкой, без которых на жестоком Севере не выжить. Не выжить и без умения понимать природу, сосуществовать с ней, преодолевать трудности (а на трудности северная природа щедра). Это вплетено в коллективное сознание и напрямую отражается в весьма самобытном творчестве.

Работать над этим номером было, признаюсь, нелегко. Перед началом вёрстки пришло трагическое известие: ушла из жизни Надежда Сергеева, постоянный автор «Интеллигента», сделавшая для проекта очень многое, в частности, именно благодаря ей сошлись пути двух Сергеев - Пашкова и Малашко, учредителей нашей Медийной группы. В результате, помимо всего прочего, родилась и газета «Интеллигент Магадан». Вы можете прочитать её добрый сказ «Бирюсинка» на странице 7. Светлая ей память.

Лично для меня, не буду скрывать, было непросто работать с интервью (для этого номера его дал журналист, историк и публицист Иван Паникаров) и с большой, обстоятельной статьёй о посёлке Синегорье от Владимира Плотнокова. Оба текста имеют одну тему, одно настроение - тяжёлые времена, пришедшие в регион с распадом СССР и не закончившиеся по сей день. В виду моей удалённости, географической и информационной, не буду развивать эту тему и оставляю на суд тех, кто знаком с проблемой.

Но читать про это очень грустно.

Но пусть читатель не унывает, в номере 9 газеты «Интеллигент Магадан» есть немало интересных и позитивных материалов.

Самым, пожалуй, светлым произведением номера является рассказ Светланы Савицкой, прямо заряжающий энергией, заставляющий остановиться, передохнуть и продолжить путь с новыми силами.

Отрывок из своей повести с хемингуэвским оттенком предоставил Виталий Кузнецов.

Не оставит без улыбки юмористический рассказ Михаила Спивака из Канады.

Екатерина Лимонова расскажет о своей группе в популярном мессенджере. Эта информация будет полезна тем, кто ищет общения с творческими людьми.

Эссе Петра Цветкова написано на не самую популярную сейчас тему профессионализма, по крайней мере, редко раскрываемую в именно таком ключе.

Немного грустная, но добрая и красивая, написанная лёгким слогом, история Виктора Шмелёва про охотничьего пса затронет даже очень чёрствого человека.

На последних страницах вас ждут несколько стихотворений от трёх авторов из Бердска, Благовещенска и Белоруссии.

Приятного чтения!

*Юлия Рудомазина
главный редактор медийной
группы «Интеллигент»*

ТВОИ ЛЮДИ, СЕВЕР!

Иван Паникаров

Журналист, историк, публицист. Член Союза журналистов РФ. Инициатор создания в пос. Ягодное Ягоднинского района Магаданской области общества «Поиск незаконно репрессированных» (1990), создатель (1994) и директор Музея памяти жертв репрессий «Память Колымы». Ведет поисковую и просветительскую работу, издает книжную серию «Архивы памяти» (публикация воспоминаний и произведений узников Гулага). Всего издал более 30-ти брошюр и книг по истории региона и воспоминаниям бывших заключенных Колымских лагерей.

Лауреат премии губернатора Магаданской области в сфере культуры и искусства за 2007 г. в области музейного дела за просветительскую и выставочную деятельность по истории Магаданской области.

В 2011 г. был удостоен премии Правительства РФ в области культуры как составитель книги стихов репрессированных поэтов «Полюс лютости» (совместно с А. Ф. Суздальцевым), которая вышла из печати в 2010 г. в Магадане.

Интервью И.А. Паникарова с учредителями Международной медийной группы «Интеллигент» С.Л. Пашковым и С.Л. Малашко

- Здравствуйте, Иван! В наших изданиях печатаются в основном авторы, которых предлагают для публикации наш совет редакторов, наши представители за рубежом и в регионах Р.Ф., а потому первый мой к вам вопрос. Как вы узнали о нас, как познакомились с нашими изданиями?

В Ягоднинском (пос. Ягодное Магаданской обл. - районный центр) Доме культуры самодеятельные поэты регулярно проводят мероприятия под названием «Литературная гостиная». Участниками их являются те, кто любит поэзию и сам «балуется» стихосложением. О газете «Интеллигент» не раз говорили на таких встречах поэты из пос. Синегорье. А потом однажды я увидел на столе директора ДК Светланы Пестерниковой газету «Интеллигент», которую она мне подарила. С интересом прочёл...

- Прежде чем начать с вами знакомство, почитал ваши материалы о Колыме. И сразу же для себя отметил, что в то трудное время и комсомольцы - добровольцы, да и

многие обычные советские граждане так же жили и работали. В великую на Западе депрессию люди трудились и жили отнюдь же не лучше, и многие из США даже эмигрировали в СССР. У меня к вам такой вопрос, так откуда же появляются люди, которые описывая якобы ужасы на Колыме, что они хотят этим и у кого заслужить?

Сегодня о Колыме (с конца 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг.) в различных газетах и Интернет столько написано негатива, что диву даёшься – откуда берутся такие сногшибательные «факты». То, что пишут иностранцы, ещё как-то понять можно (имею в виду не смысл) – в большинстве случаев их задача охаивать прошлое, да и настоящее, России. По сути, мы для них враги. Но ведь и среди российских журналистов есть борзописцы, которые в унисон иностранным СМИ без зазрения совести считают наших отцов и дедов (весь народ) «стукачами», «шестёрками», предателями и палачами, конечно, и т.п. Возможно им за это хорошо платят. Бог им судья. Но лучше было бы на-

много, если бы их судили по-настоящему за ложь и осквернение наши российские суды. А берутся такие люди (их уже много) из... наших детей, которых государство учит уму разуму по европейским шаблонам. Мы уже забываем русские слова: вместо «да» с удовольствием произносим «окей», такие словечки вошли в моду как, «фейк», «вебинар», «истеблишмент» и др., хотя сказать то, что имеется в виду, можно, да и нужно, по-русски...

Я уже отметил, что тогда все так жили, особенно освоители, а осваивать приходилось практически все. Может, кому-то просто не нравился бесклассовый - равноправный советский социальный строй и такие хотели бы быть, так сказать, равнее других?

Я думаю, и не только я, а многие россияне, помнящие 1960 - 1980-е годы, что в это время мы жили при КОММУНИЗМЕ. Просто не осознавали этого. А кто-то мыслил по-иному... Вот и пришли к финалу: народ просто напорог ограбили и продолжает это делать кучка богатых, сверхбогатых, отморожков, поте-

рвавших совесть. Им не нравится всё то человеческое, что прививали людям в годы социализма...

- Осваивается ли сейчас активно Крайний Север или же идет отток населения и предприятия приходят в упадок?

Что касается освоения Колымы, то, скорее всего, происходит регресс и целенаправленное выселение жителей. Создаётся впечатление, что этот богатый полезными ископаемыми (не только золотом) край планируют отдать кому-то в аренду, а то и насовсем. Очень интересные цифры: в 1989 году в Магаданской области проживало почти 543 тысячи человек, из которых около 21 тысячи пенсионеров, причём, видимо, работающих. Сегодня на 144 тысяч жителей области приходится более 30 тысяч пенсионеров, в т.ч. и большинство неработающих.

- Что бы вы посоветовали для развития этого края, ведь программа правительства с передачей одного гектара земли в частное пользование, по сути, не сработала?

Властьмущим, от главы администрации самого крохотного посёлка до президента, не обещать того, что не может выполнить. Особенно обещают чиновники во время предвыборных кампаний. Если совсем кратко, говоря лагерным языком: «Каждый должен отвечать за базар и нести ответственность».

Ваши края славятся лесными богатствами, возможно там создавать зверосовхозы, рыболовные хозяйства с переработкой, грамотно заниматься лесозаготовкой и охраной леса,

или китайские товарищи себя там ведут как в своей колонии?

Да, Колыма богата не только золотом, но и дарами природы. А в годы лихолетья – репрессий – здесь (в совхозах-лагерях «Эльген» и «Красный богатырь») выращивали даже пшеницу! Помидоры росли в открытом грунте и, уж совсем невероятно, – яблоки, груши и сливы в этом суровом краю!

Северных оленей в 1980-е гг. было около 800 тысяч голов, а в 1971 году все птицеводческие хозяйства (птицефермы) области собрали 79,2(!) миллиона штук яиц...

Сейчас мы, колымчане, питаемся почти всем привозным, по сути, не знаю толком, что едим – натуральный продукт или искусственный. Продуктами и «тряпками» нас снабжает в основном Китай. И мы, зная, что товар не всегда качественный, всё равно берём. И если бы не эта страна, то мы бы ходили голые и вымирали бы от холода и голода, как мамонты. Дело идёт к тому, что Колыма в полном смысле слова скоро станет чьей-то колонией (только называться будет не так, а как-то по хитроумному).

- Ваше видение уровня и развития литературы именно в Ягоднинском районе Магаданской области? Есть ли взаимодействие с Организацией союза писателей, оказывают ли помощь местные власти, спонсоры?

Что касается творческой жизни региона, т. е. Магаданской области, то, она, конечно же, не бурлит. Выходят книги, из-

даваемые магаданским издательством «Охотник», кто-то сам издаёт небольшие сборники стихов и рассказов, писательская организация выпускает пару журналов – «На Севере Дальнем» и «Колымские просторы», Магаданская областная библиотека и Областной краеведческий музей издают, но не регулярно, по журналу – «Магаданский краевед» и «Краеведческие записки». Ну и Ягоднинское общество «Поиск незаконно репрессированных», председателем которого я являюсь с апреля 1990 года, выпускает серии книг «Архивы памяти» (33 книги) и «Малая родина» (5 книг).

К сожалению, все эти издания выходят тиражом от 100 до 500 экземпляров, некоторые – до 1000. И не более. Случается, что в областной библиотеке проводятся презентации книг. Возможно, что-то презентуют и в районах. Что касается Ягоднинского района, то мы регулярно презентуем книги, выпускаемые обществом «Поиск незаконно репрессированных», а также сборники стихов поэтесс посёлка Синегорье, которые они издают сами.

- Что вы пожелаете нашему проекту медийной группе «Интеллигент»?

Газете «Интеллигент», несмотря на её небольшой тираж, желаю быть настоящим «гласом народа»! И, конечно же, писать правду. И если это возможно, сделать патристическую рубрику, дабы читатель знал не только о настоящей России, но и о её прошлом – о Союзе ССР. Думаю, будет что рассказать (возможно, и негатив) и тем читателям, кто живёт за рубежом.

Так как всецело я посвятил себя... исправительно-трудовым лагерям, то и знаю много всяких жизненных случаев, как печальных, так забавных...

Да нет, я совсем не бывший ЗК, просто много лет дружу (разыскиваю) с теми, кто в разные годы, будучи заключённым, обжигал и осваивал Колыму. Так вот, один из бывших эков (мир он этот покинул давно), но не колымчанин, а мой земляк с Дона, с которым я общался, будучи лет тридцать назад в отпуске, рассказал мне такую вот историю, участником которой он был. И я её вам, друзья, перескажу...

«От сумы и от тюрьмы...»

- Ну, ты знаешь меня, Иван, - начал свой рассказ Аким Самсонович Чернявский. - По крайней мере, ту часть моей жизни, которую я прожил в хуторе Грязновка. Я ведь колхозник, землю люблю, хозяйство. Но, как говорится в народе: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». А я и не зарекался, да и не думал ни о суме, ни о тюрьме, так как трудился честно, даже в «районке» обо мне писали. И фотография была с подписью - ударник, передовик! Да!

Ну да ладно, Бог с ней со славой. Так вот, работая в колхозе, зарекомендовал я себя очень хорошо, поэтому руководство хозяйства и доверяло мне все важные дела. И вот однажды вызывает меня к себе председатель Николай Филиппович:

- Ну, что Аким Самсонович, готов на важное дело?

- Что именно? - интересуюсь.

Оказывается, нужно срочно на станцию Лихую (городишко небольшой в Ростовской области. И.П.) на бойню свинью отвезти...

В шестидесятые годы, техникой не многие колхозы располагали, основным транспортом тогда лошади были, да быки. Я-то с лошадами плотно общался - конюхом работал, - поэтому и согласился. Да и как отказываться - председатель просит-приказывает.

Оборудовали телегу - борта наставили. Свинью-то, нужно было живую везти, так как лето жаркое и мясо можно просто не довезти - пропадёт. Ехать километров 25-30 - день езды по хорошему. Часов в пять утра выехал, и четвертую часть пути проехал без каких-либо приключений...

Но, не доезжая километров пять до трассы Ростов - Воронеж, повстречали мы со свиньёй, да лошадей, огромную автомашину. Я таких никогда не видел. К тому же она тащила за собой что-то тоже большущее. Съехали на обочину, остановились. Смотрю - лошади мои волнуются. «Пассажирка» тоже как-то странно ведёт себя, суетится. И тут, поравнявшись с нами, водитель техники газанул, и клубы выхлопных газов накрыли нас. Неожиданно лошади рва-

нулись вперёд и понеслись как бешеные. Свинья тоже от неожиданности назад подалась и, выломав своим весом заднюю загородку, свалилась. А лошади неслись галопом, да так, что я не мог их остановить - напугались сильно. Удалось мне их усмирить лишь перед трассой. Они были все в мыле и дрожали, то ли от усталости, то ли от испуга. Я, конечно же, спокойно начал с ними разговаривать, гладить, хотя в душе был зол на них. Но понимал, что сгонять зло на животных не следует. Около получаса мы «общались», а я к тому же ещё и о свинье думал: «Где она? Как её найти и погрузить в телегу? Что делать?»

Ну, а что делать - ехать назад нужно, искать... Увы, не нашёл. Вернулся в хутор, а на следующий день рассказал всё председателю. Заявили в милицию, куда меня сразу и вызвали для дачи показаний. Рассказал всё, как было. Не нашли...

В общем, дали мне три года по статье 89 УК РСФСР «...за хищение государственного или общественного имущества...». Этапировали километров за сорок, в город Каменск-Шахтинский, где я, как говорится, и провёл благополучно весь срок наказания. И там, в лагере, на третьем году пребывания, встретил земляка из соседнего хутора.

Прибыл он откуда-то очередным этапом в числе простых мужиков, колхозников и рабочих, наверное, как и я что-то своровавших. Однофамильцы мы с ним - Чернявские. Он из соседнего хутора Божковка, где с такой фамилией - все дальние родственники. Спрашиваю Петра:

- Какая статья?

- 97-я...

- За что сидишь?

- Присвоение найденного имущества...

- Вот как! А что же ты нашёл и прихлопнул? - спрашиваю, смеясь.

- Свинью, - говорит и матом её кроет.

У меня глаза на лоб полезли, смех пропал, напрягся я.

- Так, получается, за свинью сидишь?

- Ну да. Что тут не ясного...

- Я тоже за свинью. Не за одну ли худобу мы с тобой, Петя, срок мотаем? А ну рассказывай, где ты её нашёл и когда?

- Еду с сенокоса, по утрянке, по холмоду косил, и вижу - свинья в кювете мучается. Живая, но ноги переломаны. Видно, что из сил уже выбилась. Ну, я возьми и помоги ей - чтоб не мучилась, бедолага - прирезал. Благо с такой худобой дело не раз имел - хуторяне приглашали резать. Разделал её по-быстрому, в телегу загрузил, травой прикрыл и скорее в хутор - солнце уже начинало припекать. Дома - в погреб мясо спрятал, жене сказал, чтоб не болтала никому про находку. На следующий день в Лихую на рынок мясо повёз - не то пропало бы. (Это сейчас холодильники у всех, а тогда... И. П.) Продав удачно. Но, как назло, встретился на рынке хуторянин, который был удивлён тому, что я мясом торгую. Через два-три дня меня вызвали в сельсовет. А что я мог там сказать? Признался, рассказал всё, как было. А председатель и спрашивает:

- Почему в сельсовет не заявил о находке?

- Да чёрт его знает, но мясо-то не ворованное, - оправдываюсь.

Предлагают сдать находку, т. е. мясо, государству - в колхоз. А я уже почти всю свинью продал. Ну и завели дело, впаили три года...

Ну а дальше-то что рассказывать? Ясно - оказывается за одну и ту же свинью мы оба сидели. Заявили об этом начальнику зоны, а он удивлённо:

- Да вы в своём уме, мужики?! Кто вам будет дела пересматривать? Вам-то сидеть осталось по полгода...

Действительно, зачем старое ворошить? Так мы с Петей Чернявским и освободились вместе, и домой - он в хутор Божковку, а я в хутор Грязновку - вместе добирались, со смехом вспоминая своё недалёкое прошлое...

**Записал Иван Паникаров,
пос. Ягодное, Магаданская обл.**

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Московии». Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Член редакторского совета и постоянный автор изданий «Интеллигент».

ЭТО ЖЕ РЕБЕНОК!

У самой короткой ночи - самая крупная роса. Издревле бабы водили внуков к покату по берегу могучей реки почувствовать босыми ногами волшебство: чтоб силу земли и неба вобрал в себя; чтобы был здоров и силен; чтобы любовь укрепилась ко всему существу. Вот и Оля после Купалы раненько разбудила Женю, велела идти след в след напрямик туда, где за излучиной просыпалось солнце.

Крупные капли сверкали на тоненьких травинках, как хрустальные бусины на ниточках. Ожерельем этих бус была опутана поляна: кусты и деревья, цветы и сеточки паутинок.

Средь разнотравья мать-лошадь с путами на ногах проглатывала каплю за каплей, бусину за бусиной божественной влаги. Жеребенок пасся рядом. Но без пут, не смея отделяться далеко от матери. Женя шел за бабой Олей, поглядывая на животных. После городской необходимости ходить по асфальту только в обу-

ви, оказаться босиком на траве, так как ходят кошки и собаки, как пасутся кони, было непривычно и весело. Травинки клевера и муравы просачивались между пальчиков, щекоча босые ножки. Тогда Женя нагибался и убирал с ноги мокрый цветочек.

Лошадь царственно подняла голову на незнакомцев. Тихонько позвала к себе стригунка на всякий случай. Тот тоже проводил их взглядом.

- Баб-Оль! А лошадь тоже хочет, чтобы он рос здоровым и сильным?

- Да.

- А можно я с ним погуляю?

- Сначала искупаешься в реке...

Вода Оки не шевелилась. Громадные легкие пирожные взбитых облаков остановились над рекою ли, над временем, и непонятно было с первого взгляда - где живут облака - в молоке или в вечности.

- Баб-Оль! Смотри! Это же ребенок!

- Ребенок?

- Ребенок! Лошадиный!

Бородатый загорелый до черноты пастух в длинных шортах вел кобылу купаться, обгоняя бабу с внуком. Впереди, торопясь и шлепая по росе, резво бежал стригунок, но перед самой водою остановился и, узрев свое вихрастое отражение, отпрыгнул.

Пастух и баба Оля громко рассмеялись.

- Здорово, Петровна! Внук?

- Да. Вот вывела на росу. А ты, Степан, пастухом, гляжу, заделался?

- Сосед: третий коттедж справа от моста, купил дорогую лошадь. Хорошо платит. Вот и пасу.

- Баб-Оль! А разве можно ЛОШАДЬ купить? Она ведь живая! - удивился маленький Женя.

- Можно! Еще как можно, - усмехнулся Степан, омывая спину прекрасной лошадки, - когда деньги есть - все можно!

- А человека, живого тоже купить можно? За деньги?

Баба Оля и пастух Степан обернулись на вопрос мальчонки, и каждый вздохнул по-своему, а ответили одновременно:

- Нельзя, - сказала баба Оля.
- Легко! - ответил пастух.

Женя ничего не понял, но на всякий случай задал еще один вопрос Степану:

- И жеребенка, значит, купить можно? И ребенка? И продать?

- Много будешь говорить - роса уйдет, - отрезала баба Оля.

- Куда уйдет?

- Испарится. Солнце съест! - ответила она, снимая с ребенка рубашонку, и подталкивая к воде.

- Солнце ест росу?

- Пьет! - ответит за бабу пастух Степан. - Ты, сынок отойди подальше от жеребенка то! Отойди! Лошадь норовистая. Чужих не признаёт. Так может копытом нечаянно задеть, что грудную клетку выбьет! Что я делать потом буду? - Припугнул пастух, и уже лошади приказал, - Иииэээх, родимая! Матушка Венеда! А ну давай, поплыли вместе! - взобрался ей на спину и в обнимку погрузился в парное молоко Оки.

- Варгус! Варгус! - позвал Степан жеребенка.

Варгус занервничал. Пошарахался у берега и, прон-

зительно взвизгнув, тоже бросился в воду. Венеда величественно повела красивым глазом, убедившись, что детеныш, может немного неловко и угловато, но исправно орудует копытцами следом, чуть-чуть подала голос и с нескрываемым удовольствием поплыла вдоль прибрежных кустов.

Так же резво вбежал в воду следом за жеребенком и Женя, а за мальчиком и баба Оля, умиротворенно глядя на облака.

День обещал быть знойным и жарким. Солнце выглянуло из утреннего марева, окончательно проснувшись, и вдоволь впилося в остатки росы на траве, высушив листья и цветы. Зажужжали пчелы и шмели. Раскрылись розовые пушистые соцветья медоносного татарника, белой кашки, цикория и мяты.

От запаха трав закружилась голова. Жеребенок, поняв, что мать скоро выйдет, первым выскочил из воды, запрыгал среди цветущего Иван-Чая. Из его груди раздавалось восторженное взвизгивающее ржание. Венеда отвечала нежным заботливым храпением на две октавы ниже.

Несмотря на категорический запрет, Женя с опаской подбирался к жеребенку, пока взрослые беседовали, устроившись на деревянных мостках, а мать лошадь паслась

на сочной траве.

Насобирав самых красивых цветов, мальчик осмелился подойти совсем близко:

- Это для твоей мамы. Она - самая красивая лошадь на свете!

Жеребенок тихонько заржал и, подтверждая слова мальчика, закивал головой, но букет с цветами передавать не стал. И жевать не стал. Озорно отпрыгнул вправо, потом влево, уперся копытцами в землю, уставился на маленького человечка из-под челки в упор, приглашая поиграть вместе.

- Я только немножко! Только секундочку поиграю с Варгусом. Можно? Венеда ведь не станет бить меня копытами?!!! - выкрикнул Женя не то бабе Оле, не то пастуху, не то лошади. Общение с животными наводило на ребенка дрожь и восторг. Жеребенок радовался не меньше.

Трое взрослых на секунду остановили на резвящихся детях взгляды, кивнули, являя не то миссию, не то милость, и продолжили заниматься любимыми взрослыми делами...

Начался самый длинный день в году. Благословенный и счастливый. Крещеный высоким небом и широкой водою Оки, пропитанный пряным зноем июньского ветра, божественной любовью и умирением.

Надежда Сергеева (1957-2019)

Родилась и выросла на Урале. Жила в Нижнем Тагиле.

Лауреат Национальной Литературной премии “Золотое перо Руси” в номинации “поэзия” в 2010 году, в 2012 году награждена медалью им. Достоевского “За красоту, гуманизм, справедливость”. Лауреат Всероссийского конкурса им. В.В.Карпенко в прозе (2013 и 2015 гг.).

Автор трёх книг - “Я поделюсь душою с вами” - сборник прозы, “И руки просятся к перу” - сборник стихов, “Зелёные огоньки” - сборник сказов, автор множества публикаций в поэтических и прозаических сборниках.

Работала в медиа-группе “Интеллигент” с момента её основания.

Надежда Сергеева, живущая на Урале, смогла связать Крайний Северо-Запад России с Крайним её Севером. Познакомив Сергея Пашкова и Сергея Малашко, она соединила Костомукшу и Магадан, положив начало творческому дуэту двух тезок-северян.

СПАСИБО ей за это!

Бирюсинка

Пригласил меня как-то сосед на сомовую рыбалку на Лесном озере. До кордона добирались на соседской «Ниве». После дождей дорога размокла, труженица «Нива» с трудом пробиралась по лесной дороге. Так что добрались мы на место только к вечеру порядком уставшие, потому что пару раз пришлось машину из ям вытаскивать. Хозяин кордона, лесник, встретил нас радушно, отправил в подготовленную баню. Как же здорово попариться с устатку! А какой запах стоит в парилке от хвойного веничка! Душа отдыхает.

Когда вернулись в дом после бани, нас встретил накрытый стол. Просто глаза разбежались от разнообразия – тут и брусника моченая, и грибочки разные, и картошечка вареная, и капуста квашеная с клюквой, и огурки с помидорками. А царем на столе был сомовик - пирог с сомом. На отдельном блюде лежали куски обжаренного сома. На углу стола пылел самовар, на вершине которого стоял заварник, источавший ягодный аромат.

- Садитесь, гости дорогие, повечеряем, - пригласил нас хозяин и позвал, повернувшись к печи, - отец, айда к столу.

Раздалось кряхтение, покашливание, а вслед за ними из-за шторы появился старик.

Росточку невысокого, в самотканной, вышитой голубыми цветами,

рубаше, подпоясанный бечевой. Вызвали у нас улыбку вполне современные спортивные штаны. Из-под выдавшей виды ушанки выбивались белые как снег волосы, небольшая аккуратная бородка была чуть темнее волос, с пепельным отливом. На ногах у старичка латаные валеночки. Поразили его глаза, смотрят внимательно, но горит в них искорка-смешинка.

Дед уселся на лавку возле самовара, наделил заварки, наполняя горницу запахом леса. Сын добавил в кружку кипятка, и подал на тарелке кусок пирога.

Трапезничали молча. А я, стараясь незаметно, разглядывал дедову рубашку. Таких сине-голубых рисунков в русской вышивке я и не встречал раньше. На белом поле вилась голубая веточка, а от нее отходили ниточки, увенчанные крупными цветами - колокольчиками. А по всей рубашке разбросаны маленькие цветочки, похожие на яблоневый цвет.

После ужина все вышли на широкое крыльцо. Дед сел на верхнюю ступеньку, достал трубку, забил в нее щепоть табака из вышитого синими цветами кисета. Прикурив от сыновей зажигалки. Пыхнул пару раз и повернулся ко мне:

- Глянулась тебе моя рубашка?

Я смущенно кивнул, не найдя, что ответить.

- А что скажешь, если ей почти

сто лет, - старик серьезно смотрел на меня, и я даже подумал, что он шутит.

Дед попыхтел трубкой, потом стукнул пару раз о перила, выбивая пепел, и проговорил:

- Рубашка эта подарена была еще деду моему. Наутро после свадьбы лежала на лавке возле кровати.

- А кто подарил? – поторопился я спросить.

Лесник помог деду подняться и сказал:

- А пойдемте-ка в дом, тут комарье не даст поговорить.

В горнице старик попросил у сына чаю, сам залез на печь, и грея руки о бока горячей кружки сказал:

- Такие подарки хорошим людям делала Бирюсинка, бирюзовая девка.

- Расскажи, отец, людям интересно будет, - проговорил лесник, усаживаясь рядом с нами на лавку.

- А что ж не рассказать, слушайте. Давно это было...

Жили на хуторе, что за селом Елизарьевским, старичок да старушка, не старые еще, но уже в возрасте, Евдоким да Меланьюшка. Они, как сын их на шахте погиб, в странствие из родных мест ушли, вот на том хуторе задержались на зиму, так и прижились. Хозяин хуторской добрый был, пожалел горемычных, флигелек им выделил, Евдокима на па-

секу поставил, а Меланьюшка стала хозяйке с детками малыми помогать, а их-то ни много, ни мало, а аж семеро на хуторе было. Согрелись душою старички наши, горе полегчало, улыбками лица осветились. Всякий, кто в тех местах бывал ли, работал ли на хозяина, бывало, вечерок коротал во флигеле у Евдокима с Меланьей. Сам-то трубкой попыхивал да были-бывальщины рассказывал, детишек радовал - игрушки из березы вырезал, а женка евойная напечет лепешек на меду да гостей потчует теми лепехами с ягодным взваром. А потом сядет в уголке, вышивку в руки возьмет, и под разговор вышивает. Влеготку жили. А как повыврастали дети хозяйские, кто взамуж в село уехал, кто на рудник робить подался, погрустнели Евдоким с Меланьюшкой. Вроде и заботхлопот меньше стало, а грусть-кручинушка заневолела, душу замутила. В то время хозяин-от пасеку-то на дальние луга перевез, Евдоким без дела остался. Сядут бывалочь вместе на лавочку у флигеля, на закат смотрят немигаючи, а из глаз слёзоньки ручейками так и катятся.

Лето уже на излете было, когда пошли старички в лес по грибы. Хорошо набрали, и на засолку, и на посушку. Идут по лесной тропинке неторопко, птишек лесных слушают. Случилось им на взгорок подняться. Пологой тропка была, для старичков не трудной. Стоят Евдоким с Меланьей на вершине, любят. Со-сновые кроны ковром кружевным стелются до самого солнца, местами светлые листики березок в тот ковер вплетаются, а кое-где проплешины видны, там, видать, еланки лесные, заповедные спрятаны. А над ними гонит бродяга-ветер облака, и большие, и поменьше.

Подлетело к старикам большое облако, на птицу похожее, и к самым ногам легло, словно приглашает, мол, ступайте на меня.

Переглянулись Евдоким с женой, поставили свои корзинки наземь, за руки взялись и ступили на облако, а оно их подняло над землей легонько, да к подножию горюшки мяконько опустило.

Незнакомое место оказалось. Лес негустой, солнышком просвеченный насквозь. Подбежала к ним белочка, засвиркала и в кусты, что у самой горюшки росли, прыгнула.

Евдоким раздвинул ветви, а там, в горе - глядельце. С две ладошки размером.

Смотрят старики, а им из глядельца девчушка в синем сарафане да косыночке синей улыбается и рукой куда-то вниз показывает.

Присел Евдоким к самым корням куста, а там, на листе лежит горстка синих камушков, да не гладко синих, а в прожилочках. Стали старики эти камушки разглядывать и дивятся – на одном будто лицо нарисовано.

Поднял Евдоким камушки вместе с листиком с земли и в глядельце посмотрел. А девчонка засмеялась, головой закивала и показывает, мол, в карман положи. Как убрал старик камушки в карман, так сразу глядельце-то с девчушкой и пропало.

А тут снова белочка прежняя выскочила, застрекотала-засвиркала и по тропке в лес побежала. Да не просто совсем убежала, а отбежит недалеко, пострекочет и ждет, пока Евдоким с Меланьей до нее дойдут. Так довела их белочка до еланки небольшой, со всех сторон густым лесом окруженной. А в самой середине ее избушка стояла, рядом с избушкой колодец, в ведре вода, ну прям неба кусочек. А позадь избушки - огорожок на три грядочки да яблоня с вишней.

Присели старики на лавочку у колодца, глядь, а возле уже их корзинки с грибами стоят. Достала Меланья тряпицу, в коей хлеб с собой брали, расстелила на лавке, а Евдоким на тряпицу камушки из кармана положил. Солнышко на синеве отражается, словно улыбается.

Решил Евдоким умыться водой колодезной, зачерпнул ладонью, глаза омыл. А несколько капелек на те камушки упали.

Снова белочка появилась, стала стариков в избушку звать, отбежит, пострекочет, отбежит, пострекочет. Пошли Евдоким с супружницей за

нею, а камушки на лавке остались.

А в избушке все убранство то синее, то голубое!

Шторки на окошках - голубая кисея, скатерть на столе – синий лен, кровать синим одеялом покрыта, печка голубыми да синими цветами разрисована, на полке посуда тож с синими да голубыми цветами.

Стоят наши старик посреди избы, оглядываются, любят. А думка на двоих одна – чья же это избушка посреди леса.

Вдруг слышат, на крылечке легкие шаги раздались, и входит в горницу девчушка в синем сарафане, ну точь в точь, что из глядельца им смеялась.

Как вошла, в пояс поклонилась и говорит:

- Гости дорогие, я Бирюсинка, одна тут живу, оставайтесь у меня. Станьте мне батюшкой да матушкой.

Обрадовались старики, обняли Бирюсинку и доченькой назвали.

Стали они втроем жить.

Евдоким из березы зверушек вырезал да глазки им из бирюсы делал, а Меланья полотенца да скатерти сине-голубыми цветами вышивала.

А по вечерам сядут втроем на крылечке, а то на лавочку у колодца да песни поют душевные. Зверушки лесные да птички собирались на еланке их слушать.

И никогда на той еланке дождя или снега не бывало. Завсегда – лето на излете.

А с тех пор, говорят, появлялись в избах, где дети есть, игрушки с синими глазами да скатерти иль полотенца вышитые сине-голубыми нитками. Кто их приносил, неведомо. Одно удивительно было – ни продать, ни поменять те вещи никак нельзя было.

Заговоренные они были.

Дед вздохнул, протянул сыну пустую кружку и, отвернувшись к стене, накрылся лоскутным одеялом.

А мы, завороченные его сказкой ли, бывальщиной ли, отправились спать на сеновал.

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

Виталий Кузнецов

Кузнецов Виталий Яковлевич. Родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской губернии.

С 1982 года проживает в Бурятии. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008). Учредитель, издатель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, 2008). За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири награждён грамотой Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013). Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013).

С декабря 2017 года является действительным членом Крымской литературной академии (Симферополь).

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017).

Старик и псы (отрывок из повести)

Давно покинутая людьми старая сибирская деревня, ещё дореволюционной застройки, буйно зарастала молодым лесом. От прежних дворов не осталось и следа. Лишь разросшийся смородиновый кустарник да редкие одичалые яблоньки ранета указывали на места прежних садов и палисадников. Обветшалые и покосившиеся деревянные дома, прогнивая и покрываясь серым мхом, постепенно осаживались в землю. Полуразрушенные, зияя пустотами оконных проёмов, они напоминали тленные черепа огромных доисторических животных, невесть откуда оказавшихся здесь.

Некогда процветающее село, с добротными бревенчатыми домами и зажиточным хозяйством, стало вдруг ненужным «новому» миру: в годы советской перестройки разграбленное разгулом безнаказанной преступности и окончательно покинутое селение превратилось в кладбище человеческих судеб. Отдельные дома, с кое-где сохранившимися резными оконными наличниками, могли ещё поведать о характере людей, живших здесь когда-то.

Обезлюдившую деревню ныне занимали брошенные и уже успевшие

одичать собаки; словно монгольские кладбищенские псы, бродили они среди разрушенных строений.

И всё же, несмотря на жуткую опустошённость бывшего многолюдного селения, в одном из уцелевших на окраине домов жил старик, забытый всеми, последний житель заброшенной деревни. Он уже давно остался один, и только свора одичалых собак окружала его. Несколько псов, более всего привязанных к нему, жили рядом с домом и всегда неразлучно следовали за стариком – единственным человеком, оставшимся на многие вёрсты вокруг; и псы охотно подчинялись ему, воспринимая его вожаком своей стаи.

Высокий сухощавый старик был ещё крепок и жилист. Его широкие скулы, обтянутые высохшей ржавого цвета кожей, напоминали о былой природной силе, а взгляд всё ещё искрящихся задором глубоких серых глаз говорил о твёрдости неистребимого духа. Дух жизни, глубоко засевший в сознании одинокого человека, помогал ему справляться с трудностями в суровых, совсем не приспособленных для старости условиях. Каждое утро, в любую погоду, старик выходил из

своего обветшалого жилища и в окружении псов проделывал свой обычный моцион: проходил весь нелёгкий путь по бывшей главной улице села от края и до края. Издали казалось, будто сторож на погосте прохаживается среди надгробий, на что походили некоторые пустующие дома.

Но, помимо каждодневных прогулок, у старика было много и других забот, главной из которых на данном этапе являлась подготовка к предстоящей зиме: зима в Сибири, как известно, долгая, длительный холод и бескормица враз одолеют неподготовленного к ней и в два счёта сведут в могилу.

Осень уже настойчиво заявляла о своих правах, врываясь холодным ветром в кроны одиноко стоящих желтеющих берёз, срывая первые пожухлые листья и безжалостно унося их в поля. Первые ночные заморозки, покрывая землю серебристым инеем, к утру выбеливали сереющее разнотравье. Но днём ещё всё так же ярко светило солнце, отогревая остывшую за ночь почву и оживляя своим полуденным теплом всякую мелкую живность. Ожившая мошкарка, казалось, ещё больше свирепела, не давая покоя собакам, беззащитным перед гнусом.

Это утро выдалось особенно тихим и ясным. Безоблачное небо предвещало хорошую погоду. С рассветом, совершив очередной обход безжизненного села и собрав вокруг себя почти всех собак, оставшихся в деревне, старик отправился проверить свой рыбацкий улов. Сразу за его домом начиналось большое озеро, и в нём было много рыбы. С тех пор, как люди ушли из этих мест, рыбы в озере стало ещё больше; вот только ловить её с каждым годом старику становилось всё труднее: восьмой десяток разменял он нынче.

Основной рыбой в озере был карась, раньше мелкий и неказистый, теперь же крупный и жирный. Всё лето старик вылавливал этих толстоспинных красавцев: уха у него получалась отменной! Караса стало так много, что порой старику не хватало сил, чтобы вытаскивать тяжёлую сеть, единственную на всём озере.

Вот и сейчас, приближаясь к воде, старик заметил, как подёргивались и притапливались на её поверхности большие деревянные поплавки.

— Ну, вот и ладненько, вот и молодцом, — вполголоса произнёс он и мысленно похвалил свою сотню раз залапанную кормилицу. — Только бы выловить... мать иху... — как бы отвечая на чей-то вопрос, добавил тихо.

Собаки тоже почувствовали большой улов и, проявляя беспокойство, первыми помчались к озеру. Они поняли, что сегодня будут сыты, и это взбодрило их.

На берегу, опрокинутая кверху дном, лежала небольшая деревянная лодка. По разошедшимся, но густо вымазаным сосновой смолой швам было видно, что хозяин старательно заботится о своём единственном рыбацком судёнышке. Вокруг лодки суетливо вертелись собаки. Размахивая хвостами, поскуливая и повизгивая, они бросали беглые взгляды то на воду, то в сторону неспешно идущего старика: оголодавшие псы поторапливали своего вожака. Приблизившись к своре, старик дружелюбно заметил:

— Ну, что, лохматые, не терпица-то, — и, потрепав широкой ладонью холку одного из псов, решительно подошёл к лодке.

Перевернув её и спустив на воду, он легко забрался внутрь. Оттолкнувшись от берега единственным веслом и периодически отгребая им воду с обеих сторон, старик умело поплыл в сторону камышей. Там к торчащей из воды

лиственничной жердине крепилась сеть, вернее, один её край. Отплытие хозяина так взволновало молодых собак, что те, повизгивая от нетерпения, забегали по всему берегу. Более взрослые и уже потёртые жизнью псы, степенно рассевшись у кромки воды и вытянув морды, спокойно наблюдали за привычными действиями их человеческого вожака.

Подплыв к камышам, старый рыбак отвязал закреплённую на жердине сеть и принялся её вытаскивать. Первый крупный, бронзового цвета, жирный карась шумно плюхнулся на дно лодки — свежий и острый запах живой рыбы и тины ударил в нос старика. На берегу пуще заволновались голодные собаки, даже степенные псы повставали в предвкушении сладкой и жирной рыбы. Некоторые из них, не выдержав, зашли по брюхо в воду и, повиливая хвостами, стали подавать голос. Но старик, не обращая никакого внимания на их просящий короткий лай, спокойно продолжал вытягивать из воды плотно набившуюся рыбой сетушку.

Вытащив только половину сети и уже почти наполнив лодку трепещущим карасём, старик поплыл к берегу: всю эту рыбу он сначала скормит собакам и лишь затем вернётся за остальным уловом, чтобы уже оставить его для себя, предварительно заготовив в запас на долгую зиму.

Уже у берега старик стал бросать карасей собакам, вызвав среди них настоящий переполох. Те, что первыми успевали схватить рыбину, сразу же отбегали от своры и, жадно чавкая, старались быстрее проглотить добычу. Даже с прокушенной головой, живучий карась, всё ещё продолжая елозить своим широким хвостом, доставлял немало хлопот поедающей его собаке: крупный и сильный, он то и дело наносил хлесткие удары хвостом по собачьей морде, пачкая глаза и нос тягучей, липкой рыбьей слизью. Так продолжалось до тех пор, пока все собаки не насытились. Рыбы было много, и потому хватило всем.

Последний, среднего размера карась достался самому нерасторопному и мелкому щенку, вероятнее всего, больному. Этот щенок в очередной раз получил отерочку — собаки существовали по закону дикого мира, где слабые должны погибать, и лишь благодаря старицкой заботе они ещё продолжали жить. В предстоящую зиму многим ослабевшим собакам придётся очень туго, и, возможно, этому больному

щенку не повезёт — он не доживёт до весны.

Но сейчас всё обстояло куда как лучше: наевшись до отвала, собаки разбрелись по своим излюбленным местам, унося с собой в зубах, в запас, по рыбине. Лишь некоторые псы, самые верные и преданные, те, что всегда неразлучно следовали за стариком, остались на берегу. Полёживая, довольные сытостью, они ждали возвращения своего вожака.

Старик же не спешил. Наслаждаясь теплом безветренной погоды этого утра и неторопливо выбирая запутавшихся в последних метрах сети карасей, он вдруг, тяжело вздыхая, протяжно вымолвил:

— Да...

Дремлющие на берегу собаки, мгновенно приподняв морды и обратив их в сторону лодки, наострили уши: им показалось, что хозяин позвал. Но старик даже и не посмотрел в их сторону. Псы вновь улеглись, вытянув лапы: приятно было растянуться на прибрежном тёплом песочке, пока ещё не повывез остуженный за ночь гнус.

Задумавшись, старик вспомнил, как в последний раз навещал его бывший односельчанин, тоже уже преклонных лет мужик. Было это года три назад. Звал он тогда старика.

— Собирайся, старый, — молвил он, — не дури. Зима скоро, завалит снегомто, сгинешь как собака, и схоронить-то некому будет.

Но не захотел тот бросать своих верных друзей.

— Куда-то я без них, без лохматых-то. Заскучаю и помру раньше времени-то. Тут-то благодать, простор, да и жизнь-то видать глубже. Корни мои здесь, — незатейливо, но верно отвечал ему тогда отказом.

Попросил лишь соли да крупы. Не за был сосед, привёз, но с тех пор уже не появлялся здесь. «Если б не он, не жить бы мне уже-то», — вспомнив односельчанина, подумал старик, а затем, глубоко вздохнув, произнёс своё вырвавшееся вслух «Да».

С тех пор никто не навещал старика. Крупа уже кончалась, а вот соли хватило бы ещё года на три: постарался тогда мужик — главным продуктом посчитал, и не ошибся. Правда, слежалась она в мешках, и приходилось старику выдалбливать её. Но это уже был пустяк.

«Главное-то, есть чем продукт со-

хранить... Выходит, продлил мне жизни-то сосед мой», – тоскливо размышлял он.

– Ну, да ладно-то, ишь раскис, – проворчал вполголоса на себя самого старик и уже нарочито громко окликнул собак:

– Эй, лохматые, собачий-то потрох, принимай баржу!

Псы, враз подскочив, поняли, что хозяин возвращается и, дружно размахивая хвостами, негромко залаяли в ответ. Поняли, мол, встречаем. Тут же появились и некоторые другие собаки, отдыхавшие где-то поблизости. Они, услышав призывный голос старика и приветственный лай сородичей, вновь прибежали, надеясь, что и в этот раз поживятся рыбкой. Но не тут-то было. Верные старику псы, задав лёгкого трёпа обнаглевшим молодым собратьям, поставили их на прежнее место.

Такого рода службу старик ценил очень высоко и всегда поощрял своих привилегированных псов. А иначе было нельзя: в полуголодном диком собачьем сообществе без верного окружения можно и самому стать жертвой. Уже больше десяти лет собаки жили наедине с дикой природой; и много их поколений родилось и выросло, не ведая человеческого общения.

В некоторых из них текла уже и волчья кровь: вокруг было много волков, а за каждой сукой не уследишь. Такие псы, взращённые по диким законам, на многое могли быть способны. Одиочальные собаки, размножившись, конечно, потеснили волчьи стаи, но в борьбе за пропитание уже начинали конкурировать и между собой. В особенно голодные зимы бывало, что и друг на друга нападали.

Только лишь сила и верное окружение могли ещё оградить старика от возможных нападков полудиких, постоянно голодающих, помешанных кровей псов. Вот и приходилось ему каждый сезон подбирать из нового поколения всё новых щенков, чтобы те, когда придёт время, могли заменить состарившихся или погибших: старые и ослабевшие псы однажды могут не выдержать натиска не очень дружелюбно настроенных, голодных чужаков, и тогда им всем не поздоровится.

Выбирал старик самых рослых и крупных щенков. Несколько дней он выдерживал их в своём доме, а затем, уже прирученных, выпускал. Вся свора охотно принимала малышей, пахнувших хозяином, и оберегала их как своих.

Выращенные в сытости и окружённые вниманием и человеческой заботой, они впоследствии становились верными и преданными старику.

Нынче в его своре насчитывалось до пятнадцати псов, в основном молодых, мощных и сильных: сук в стае не было, дабы не ссорить кобелей. Старые псы, жившие у старика с первых дней, ещё с тех пор, когда он остался один в деревне, составляли костяк своры, их было четверо. Преданность хозяину и друг другу возвышала их над всеми остальными. Они никогда не разлучались и никогда не отставали от своего вожака. Много разного и много всякого им пришлось пережить вместе. Лучших друзей, чем верные псы, старику уже не найти теперь.

Об этом вот и думал старый рыбак, причаливая лодку к берегу. Он видел, как радостно встречают его настоящие, преданные друзья и верные помощники в этой нелёгкой одинокой жизни. От мысли, что они, и он вместе с ними, уже доживают свой век, старик почувствовал жалость... но жаль ему стало не их и себя, а тех, кто останется здесь жить дальше.

И, слава Богу, никто не знает, сколько кому отмерено и что будет завтра; может, всё будет не так уж и плохо. И лишь эта надежда даёт возможность жить.

Над озером всё выше поднималось солнце. Его лучи всё глубже проникали в прибрежные заросли камыша и осоки. Пробуждая там всякую мелкую летучую живность, они выгоняли её на свет Божий, заставляя заняться делом: мошка и комар, жаждущие крови, начинали набрасываться на всё живое вокруг. Крупные озёрные комары, сбиваясь в огромные чёрные тучи, создавали над озером зловещий гул. Пока они ещё только разогревались, но уже скоро беспощадно начнут атаковать всем скопом.

Закончилась рыбалка. Но день только начинался, и старику предстояло ещё многое сделать. Подведя загруженную рыбой лодку к берегу, он, наконец-то, ступил на земную твердь. Собаки миглом окружили своего хозяина и приветственно завертели у его ног. Молодые и потому не очень сдержанные псы, выражая свою преданность, подпрыгивали к лицу старика и норовили лизнуть его в нос или в губы.

– Ишь ты... заскучали-то, – добродушно выговаривая, мягко отбивался от них

старик. – Ну, всё-то, будет вам. Идём уже, – махнув рукой в сторону тропы, сам направился к дому.

Собаки же, прекратив ластиться, помчались вперёд; остались рядом лишь четверо псов – эти всегда были рядом.

Пройдя несколько шагов, старик вдруг остановился и, развернувшись, подошёл к лодке. Расправив сеть, он прикрыл ею всё ещё живую, трепещущую хвостами рыбу. Теперь другие собаки уж точно не тронут. Хотя... и он, немного засомневавшись, оставил рядом с лодкой одного из своих верных помощников. Полагая, что накрытую сетью рыбу собаки не тронут, старик всё же не хотел рисковать. Бог знает, может, уже завтра такого улова не будет.

Послушно оставшись охранять рыбу, серого окраса пёс, больше похожий на волка, но с закрученным, как у лайки, хвостом, забравшись в лодку, затаился.

«Ну, серый, ты и хитрец-то», – ласково подумал о верном друге старик и уверенно заспешил по тропе.

Рядом со своим домом, в некогда добротной, но уже изрядно прогнившей и покосившейся соседской избе с заколоченными окнами, старик хранил весь свой скудный скарб: проржавевшие топоры, вилы, лопаты, багры, кованые гвозди, куски алюминиевой проволоки, мешки, ящики, коробки с разной ветхостью. В общем, всё то, что осталось ненужным в брошенной деревне, и то, что могло бы ему хоть как-то ещё пригодиться. Там же хранились и некоторые запасы провизии: остатки крупы – пшено вперемешку с дроблёным зерном, заполнявшие на треть железную двухсотлитровую бочку, закрывавшуюся куском железного листа, – и мешки с затвердевшей солью. За ней-то и шёл старик.

Попутно зайдя в свой дом, он прихватил небольшой холщовый мешок и направился к бывшей соседской избе. Ступая по едва заметной тропе, он часто вспоминал, как на этом месте, где некогда был цветущий сад, все дружившие тогда соседи собирались вместе и шумно, под весёлые звуки гармони проводили воскресные дни. От терзающих сердце воспоминаний старику становилось тяжело на душе – он так и не смог привыкнуть к мысли, что уже никогда этого не будет. Но жизнь, несмотря на её суровость и его почтенные годы, всё же нравилась старику. И он продолжал жить, как того требовал Господь.

Михаил СПИВАК

г. Виннипег, Канада

Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Член Союза журналистов России. Автор романов: «Тыловые крысы, или Армейская одиссея Сёмы Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения дона Мигеля Кастильского и визирия Иерусалимского в Испании» (2012), «Мужской взгляд на любовь» (2013). В 2010 году стал главным редактором общественно-политической газеты «Перекрёсток Виннипег», издаваемой в канадской провинции Манитоба. С 2014 года - член жюри Всеканадского детского литературного конкурса «Пишем и говорим по-русски». Автор публикаций и выступлений на канадском радио «Голос Альберты» и «Мегаполис Торонто», неоднократно приглашался в прямой эфир. Лауреат литературных премий: имени Вениамина Блаженного (2015), имени Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), имени Григория Сковороды (2016).

Тренажер

Уже за тридцать Зоя поняла, что молодость не вернуть. Нужно бороться и трепетно ее остатки лелеять. Особенно следить за фигурой, которая вдруг от обилия сладостей поплыла, а кое-где – в самых когда-то прекрасно волнительных для мужских глаз и рук местах – стала покрываться «апельсиновой коркой». Зое казалось, что на пляже отдыхающие поглядывают на ее чуть раздавшиеся бедра с порицанием: мужчины без интереса отворачиваются, прикованные вниманием к более стройным девушкам, а женщины высокомерно переглядываются и даже ничуть не ревнуют своих благоверных. И тогда Зоя твердо решила: никаких лишних калорий и смертный бой целлюлиту!

Диеты и раздельное питание на кухне. Фен-шуй в спальне. Крем для похудения в ванной. Борьба велась по всем направлениям.

Муж Виталий пыхтел, двигая мебель, и уже неделю (вынужденно за компанию) давился сельдереем. Его робкое: «Поджарь мне отбивную с картошкой!» было воспринято в штыки. Слова не мужа, но мальчика, выглядели предательством в битве за красоту. Малодушие грозило отлучением не только от стола, но и от постели. Хотя последнее от обилия петрушки и сельдерея само собой отодвинулось на второй план, не выдержав борьбы со спазмами голода.

Виталий тщетно всматривался в стройные ноги жены и плоский живот, не находя там ничего даже отдаленно напоминающего уродство. Зоя выглядела идеально, женственно, она была совершенством, но переубедить ее Виталий не смог. Вместо любовного поцелуя за оду ее очарованию, он оказался «слабовольным подхалимом, готовым изменить общему делу за сытную похлебку». Попытки уговорить жену – «ты действительно прекрасна» – только добавляли негатива. Она топала ножкой и роняла слезу: «я толстая, как чушка!»

В двадцать три года Зоя весила на целых два килограмма меньше. Как можно было не заметить «такие ужасные отложения», как?!

Муж как всегда оказался виноватым.

– Если бы ты следил за собой, то и мне бы не позволил распуститься!

Виталий действительно каждый год семейной жизни набирал по килограмму, и за десять лет наел солидный «мозоль». Теперь он молча, как грустная корова, хрустел зеленью, понимая, что семейная жизнь дала трещину. Если уж Зоя что-то вбила себе в голову...

Через неделю она записалась в фитнес-центр. Стройные мужчины-легкоатлеты и мужчины с огромными бицепсами и с железобетонными торсами теперь обращали на Зою внимание, шутили и заигрывали. Виталий в этом не сомневался. Он сам одно время ходил в «качалку», еще до женитьбы. Надолго его не хватило, но впечатления остались. От обилия вокруг стройных, подтянутых женских фигур можно было заработать косоглазие. Теперь он стал ходить вместе с женой, оберегая от потенциально навязчивых поклонников.

Возможно тем бы история закончилась. Через неделю Виталий планировал поехать с Зоей на Алтай, насладиться красотами природы в компании любимой жены. Эта поездка стала бы важным шагом к примирению супругов.

Мечты остались мечтами. Не спросив разрешения, Зоя истратила деньги на велотренажер: многофункциональный, с USB-интерфейсом и четырьмя встроенными программами, мониторингом и анализом физической активности.

– Правда, он симпатичный? – сияла улыбкой Зоя и гладила светящийся дисплей. – Папочка у нас теперь станет стройным и красивым.

Виталий остолбенел.

Покупку поставили в спальную комнату, чтобы не портить интерьер зала. Сказать, что Виталий отнесся к подарку прохладно, значит, не сказать ничего. Лучше бы Зоя забыла о дне рождения мужа. Подарок она сделала себе.

– На нем ты больше времени проводишь!.. – язвил Виталий.

И наткнулся на обидный ответ:

– Мне он больше удовольствия доставляет.

Отношения в семье стали отчужденными и холодными. Скрипя от злости зубами, Виталий просыпался под монотонное жужжание педалей, и засыпал под них же. Он ненавидел проклятый велосипед, на который постоянно наткнулся спросонья. В попытке сохранить семью, Виталий пырвался продать, а затем кому-нибудь подарить «Колно» – так жена почему-то стала называть тренажер. Виталий старался выяснить был ли в прошлом среди Зоинных поклонников Николай, но так ничего и не узнал.

– Не смей продавать Колно! – возмутилась Зоя коварным планом супруга. – Это мой подарок.

Виталий поморщился. Он давно забросил сельдерейную диету, но готов был снова питаться травой, только бы избавиться от «драгоценного Коленьки».

Сам он скрипучего надоеду прозвал «педальным животным». Мысленно разговаривал с ним на повышенных тонах и даже угрожал ему.

Впрочем, в скором времени Виталий осознал свою ошибку, подружился с Колей и более того, проникся к нему искренней симпатией. Случилось это, когда Зоя уехала на праздники к маме. Поначалу Виталий лелеял тайный умысел: разобрать механизм и вывести какой-то блок из строя, а потом удивленно гнуть брови, дескать, я тут не при делах. Жена все равно доказать ничего не сможет.

«Теперь ты в моей власти!»

Виталий рассматривал тренажер со всех сторон, как забойщик обреченную на смерть скотину. В одной руке «убийца» держал крестовую отвертку, в другой – разводной ключ.

«Посмотрим, что у тебя внутри, – он замялся. – Как твой корпус разбирается?»

Действительно, начальнику отдела маркетинга, человеку далекому от техники, не так легко справиться с полностью скрытым механизмом. Велотренажер будто смеялся

в ответ, поблескивая литыми (а может быть, штампованными?) частями кожуха. Открутить сиденье или снять электронику – не вариант. Сразу раскроется злой умысел.

Виталий поскреб затылок. Ревновать жену к бритому качку из спортзала, это полбеды. Но ревновать к велосипеду... Есть в этом что-то противоестественное. Хотя почему? Женщины ревнуют своих мужей к компьютеру. Танки им видятся не нравятся. Хорошая игра. Не слишком интеллектуальная, но всё не глупее велосипеда. От хаоса мыслей Виталий вспотел. Скинул рубашу и машинально повесил на руль.

Зазвонил телефон. В трубке послышался взволнованный голос шефа. Контракт горит, клиент нервничает. Имеется реальная опасность не получить своевременную по договору выплату. Праздники отменяются. Нужно срочно ехать и сладкими песнями убаживать клиента: все хорошо прекрасная маркиза!.. Виталий повесил трубку. Скинул домашние шорты на сиденье тренажера. Облачился в стильный, подобающий моменту сладкопения костюм, поправил галстук и выскочил за дверь.

Домой он вернулся под вечер уставший и голодный. Лениво посмотрел на крестовую отвертку и разводной ключ. Казнь велосипеда откладывалась на завтра. Галстук Виталий повесил на руль с левой стороны, убрав оттуда футболку. Рубашу и пиджак повесил справа. Брюки перекинул через сиденье. Удобно. Не надо лезть в шкаф, вешать на плечики. Все под рукой.

«Хм... – подумал Виталий, – какая полезная многофункциональная вещь».

Носки он разместил на педалях. Вот, теперь в спальне полный порядок.

«Ты, Колян, не сердись на меня, что голоду хотел тебе свернуть. Зойка все нервы вытрепала. Нормально жили, любили друг друга. Нет, какая-то подружка-дура ей сказала про целлюлит, и как вожжа под хвост попала!»

Коля понимая мигал электронным дисплеем. Германский дизайн, продуманный до мелочей. Развесить на нем можно половину гардероба, и брать удобно. Угодила Зоя с подарком, пусть и непреднамеренно. Виталий кинул футболку на дисплей и впервые за несколько месяцев безмятежно уснул.

Праздники промчались быстро, а с ними улетучилась и размеренная жизнь.

– Коленька, что с тобой сделал этот изверг?! – в ужасе воскликнула Зоя и строго подступилась к мужу. – Ты зачем достал свои вещи из шкафа?

– Отсюда их удобнее брать, – честно ответил Виталий.

– Немедленно убери назад!

– И не подумаю.

– Тут им не место.

– А по-моему, самое то.

– ... и заниматься мне мешают!

– Велосипед мой. Ты его подарила мне на день рождения. Использую, как хочу.

Майки и рубашки полетели на пол, и остатальной гардероб следом. Педали снова зло зажужжали. Это был вызов. Впервые за все годы брака Виталий пошел на принцип. Он рывком распахнул створки платяного шкафа, и к куче его рубаш на полу добавились платья и блузки жены.

Слезы, упрёки, обиды. Всю следующую неделю супруги не разговаривали. Перемирия не получилось ни через неделю, ни через месяц. Зоя по привычке давила и ждала извинений от Виталия, но терпение мужа лопнуло. Жена, сама того не замечая, переступила его болевой порог. Теперь никто не хотел уступать. Тренажер окончательно стал яблоком раздора. Муж упорно развешивал на руле свои майки. Жена их с таким же постоянством швыряла на пол, а потом собирала свои раскиданные по дому платья. Холодное отчуждение быстро сменилось жаркой ненавистью.

– Живи со своим велосипедом!

Впервые Зоя, уходя жить к матери, назвала тренажер не по имени.

Время шло, страсти постепенно улеглись. В спортзале Зоины ухагеры оказались в основном женатыми, а все шутки и подмигивания так и остались веселыми разговорами. В душе поселилась тоска. После работы душу царапало одиночество. И уже снова хотелось с мужем на Алтай.

Зоя забросила спорт, набрала свой прежний вес и еще два килограмма сверху. С тоски она стала заглядывать на сайты знакомств. Никому не отвечала, только смотрела. Была уверена, что там либо сексуальные извращенцы, либо женатые мужчины, которым скучно. А в один из дней она наткнулась на знакомую фотографию. Ее собственный муж (они так и не оформили развод) улыбался, оседлав велотренажер. Зое стало обидно и больно. Волна противоречивых чувств нахлынула на нее. Как он мог?! Он совсем не страдает? Это казалось самым обидным. Зоя захопнула страницу сайт. Она уверяла себя, что является жертвой мужской черствости и непонимания. Такой спутник ей не нужен!

Через неделю Зоя снова заглянула на сайт. Просто посмотреть на фотографию... Еще через три дня она робко в письме спросила: «... ты уже себе кого-то нашел?»

Ответ пришел в тот же день: «нет и не ищу... профиль давно создал и забыл закрыть».

Ни единого намека на примирение. Зоя подождала день.

«Как настроение?»

«Не жалуюсь».

Виталий оставался лаконичным.

«Ему хорошо без меня? Наши отношения ничего для него не значили? – думала Зоя. – Дурацкий повод для ссоры. Хочу помириться. Только пусть он первый предложит».

Еще через два дня: «Чего не пишешь?»

«О чем писать?»

Зоя набралась смелости, вспомнив, что сама стала причиной разлада в семье. Ей понадобились еще несколько дней, чтобы признать этот факт для самой себя.

«Я соскучилась...»

Ответ не заставил себя долго ждать. Она боялась открыть письмо, вдруг там обидный отказ! Лучше утром прочитать. Но сон не шел. Зоя села к компьютеру.

«Зла не держу и всегда рад тебя видеть, – писал Виталий. – Приходи. И Колян обними педалями за».

Больше Зоя не волновалась за лишнюю пару килограммов. Она надела короткую юбку и плотно облегающие лосины, демисезонные сапожки на каблучке и легкий белый свитер. Просто и со вкусом, как любил Виталий. К счастью, разлука не была слишком долгой и чувства не успели совсем забыться.

– Ты стройнее стал, – заметила Зоя и спросила с легкой ревностью в голосе. – Снова стал ходить в спортзал?

Она вспомнила, как обращают на себя внимание мужчины, переполненные тестостероном. Представила мужа, любезного с молоденькой девушкой. Но Виталий хитро подмигнул Зое, взял ее за руку и повел на балкон. Там стоял новенький спортивный велосипед.

– Езжу, когда погода позволяет, а в остальное время хожу быстрым шагом в парке по два-три часа в день. Сплошная экономия и для здоровья на свежем воздухе полезнее. Не ради красоты, а чтобы чувствовать себя лучше.

Последние сомнения исчезли. Зоя игриво взглянула мужу в глаза. Виталий помнил значение ее томного, с лукавым прищуром взгляда. Второго приглашения Виталию не потребовалось. Зоина кофточка повисла на руле тренажера... Полезная, все-таки, в быту вещь. Мир был восстановлен.

А «Колю» затем подарили тестю Виталия. Ему доктор кардионагрузки прописал.

Петр Цветков

Родился в 1975 году в городе Магадане. С детства увлекается охотой и рыбалкой, свою жизнь неразрывно связывает с Колымой. По трём образованиям и призванию автотранспортник. В рамках общественной деятельности проводит много встреч с жителями города и области, активно участвует в решении их проблем.

Специалист- это круто во все времена.

На работу я устроился очень рано, совсем зеленым четырнадцатилетним юнцом. Меня приняли учеником автослесаря на крупную автобазу, в составе которой были автоколонны по всей территории Магаданской области, она в то время включала в себя и Чукотку. Я не имел ни опыта, ни специального образования и меня, как мне тогда казалось, окружали сплошь специалисты и мастера. Они учили меня азам профессии, давали советы, иногда эти советы были дельными, иногда не очень. В конце восьмидесятых, это было время последних лет СССР, наставничество, преемственность поколений на производстве по старым устоям было правилом, от учеников никто не отмахивался. Для них, это была настоящая школа жизни. Молодежь осознанно шла в производство, получала рабочие специальности, все стремились стать специалистами своего дела. У меня было непреодолимое желание разобраться во всех тонкостях профессии, получить навыки, я мечтал стать не просто автослесарем, а специалистом.

Толковый словарь Ожегова дает понятие термина Специалист – «Работник в области какой-нибудь определенной специальности». Отработав год на производстве, я стал понимать, что навыков ручного труда не достаточно, надо расти, нужны специальные знания и опыт, благодаря которым рабочий и становится специалистом. Теоретические знания я получал в профессиональном училище, но они лишь дополняли опыт, приобретаемый в производстве. Я к тому времени уже видел в специалисте нечто другое, более широкое понятие. Ведь многие рабочие находили неисправность, а вот устранить ее технически грамотно могли только специалисты. Специалист звучит гордо, это звание надо зарабатывать годами. Они были на особом счету у руководства и пользовались уважением в коллективе, а некоторые им даже завидовали. Знакомство со специалистами в начале своего профессионального пути я сейчас считаю для себя большой удачей. Они научили меня, прежде всего, ра-

зобраться в сути проблемы, ее перво-причинах и отличать их от следствия. Искать несколько путей решения проблемы и выбрать один правильный, оценивать риски неверных решений.

Не раз советы специалистов помогали выходить из, казалось, безвыходных ситуаций. Однажды в ремонте стоял самосвал, который не могли завезти три дня после ремонта двигателя. Для ремонтной службы это было ЧП, горел план, а с ним и премия. Слесаря и водители перебирали все возможное раз за разом, но ничего результата не давало, движок молчал. Обратились за помощью к специалисту по ремонту топливной аппаратуры, которого за глаза все звали Старый Лис. Тот проверил подачу топлива и спросил, что при ремонте меняли, и не дожидаясь ответа вынес вердикт, «Просто у вас воздух не поступает в цилиндры, небось новые головки блока поставили и не проверили? А они с браком». Так оно и вышло, мы заменили головки и машина вновь вошла в работу. Реальные условия эксплуатации транспорта в северных широтах, когда ты один на один с машиной на сотни километров и помощи порой ждать не откуда, воспитали в специалистах того времени особый подход к подготовке машины в рейс, никаких формальных подходов не допускали. Надежность выходила на первое место, зимой на колымской трассе это был вопрос жизни или смерти. Объясняли они мне это доходчиво и буквально, на жизненных примерах, которых колымская трасса знала, к сожалению очень много. Сам не раз видел обмороженных, вернувшихся из рейса водителей. В совместной работе с ними я получал неоценимый опыт, который использую по сей день. По прошествии лет, я сам занимаюсь подготовкой молодежи, начиная со школьников старших классов, помогая им в профессиональном ориентировании, заканчивая учащимися техникумов и ВУЗов, прививая им навыки и специальные знания. Все также мы обращаемся к опыту и знаниям специалистов, не теряя преемственность поколений. Привлекаем их к подготовке молодежи по профессиям в на-

дежде появления в коллективе новых специалистов.

Стоит отметить крайне низкую популярность рабочих профессий у нынешней молодежи, все хотят быть менеджерами. Конечно, современная техника требует знания электроники и компьютерной диагностики, необходимо специальное образование, но основой подготовки является системный подход к поиску и решению сложных задач, порой лежащему на поверхности. В практике был случай отказа импортного механизма, управление всеми узлами которого осуществляется бортовым компьютером. К его ремонту привлекли молодого специалиста по компьютерной диагностике, который со знанием дела искал неисправности в электронной части и спеца старой закалки, который, изучив историю отказа, нашел и заменил засоренные фильтры и механизм заработал.

В автотранспортной сфере наступила другая эра, на смену старым машинам пришли мощные и надежные автомобили, «напичканные» электроникой и средствами связи, кабины, оборудованные автономными обогревателями и всем необходимым для выживания водителя в случае поломки в лютые морозы. Уходят в историю водители специалисты, способные быстро обнаружить и устранить неисправности. Но подход к подготовке машины в рейс в ремонтной службе не меняется, колымская трасса не терпит формализма и ошибок по-прежнему не прощает.

Специалистов мы встречаем во всех сферах деятельности, в каждой профессии, врач это или дворник, мы видим результат их труда и отмечаем ее значимость в нашей жизни. Специалист в любой сфере всегда найдет себе применение, ведь как говорил В.С Высоцкий, он голове своей рукам помогает. Ведь специалист это не просто человек обладающий каким-то набором навыков и знаний. Возможно, это состояние души во все времена человеческой истории.

Екатерина Лимонова (Титаренко)

Родилась 10 января 1988 года в п. Синегорье Магаданской области. Первая проба пера состоялась в 12 лет. В юности занималась несколько лет макраме и два года училась игре на фортепиано.

Публиковалась в международных литературно - публицистических изданиях «Интеллигент-Магадан» и «Интеллигент - New-York», а также в авторском литературном журнале «Северо-Муйские огни», в коллективном сборнике синегорьевских поэтов «Содружество», в еженедельной газете Ягоднинского городского округа «Северная правда», в Ольской районной газете «Рассвет Севера», в еженедельной общественно-политической областной газете «Магаданская правда», в молодёжном издании «Светотени», в антологии «Северная строка. Колымская поэзия XX-XXI веков» (г. Магадан, 2014), в сборниках: «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя».

В 2005 году в газете «Северная правда» вела свою «Молодёжную страничку».

В 2018 году в г.Магадан вышел первый сборник стихов «Не забывай, что я люблю тебя».

С юности принимает участие в конкурсах стихов и рассказов, где неоднократно занимала первые места. Некоторые стихотворения были положены на музыку и стали песнями.

Одной из главных задач в своей жизни считает не давать падать духом ни себе, ни кому-либо другому.

Интернет-сообщество: современная забава человечества или нечто большее?

Несколько лет назад я стала активным пользователем WhatsApp - популярной бесплатной системы мгновенного обмена текстовыми, аудио, видео сообщениями для мобильных и иных платформ. Своим удобным интерфейсом, возможностью быть всегда на связи с родными и друзьями, а также находиться в различных группах разной тематики, совершать продажи, получать необходимую информацию - это приложение с лёгкостью вытеснило используемую мной более десяти лет «Аську».

Подключаясь к различным группам, не раз ловила себя на мысли, что было бы интересно создать собственную. Я с юности пишу стихи, поэтому вопрос, какой тематики делать сообщество даже не стоял. Мысль о создании своей группы в WhatsApp то появлялась, то исчезала. Я сомневалась, будет ли это интересно кому-то, наберёт ли группа хотя бы несколько человек, смогу ли я уделять ежедневно должное внимание участникам, являясь одновременно администратором и обычным пользователем. Незадолго до наступления 2019 года мне вспомнилась одна забытая, мудрая фраза: «Лучше сделать и пожалеть один раз, чем всю жизнь жалеть о том, что не сделал». Благодаря этим словам во мне исчезла не только неуверенность, но и все существующие сомнения. Довольно

быстро определившись с названием и аватаркой для группы, я придумала приветствие для новичков: «Поэты и читатели - ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ в мою группу «ПОЭТЫ КОЛЫМЫ»! Делитесь творчеством, читайте, комментируйте и просто общайтесь».

И вот 20.11.2018 года появилась долгожданная группа. Самыми первыми участниками стали друзья и знакомые из моего списка контактов. Первые дни для меня были волнительны. Я понимала, что недостаточно просто пригласить всех собраться вместе. Передо мной стояло несколько задач: придерживаться тематики, чем-то заинтересовывать участников, и самое главное, показать, что данное литературное сообщество отличается от миллиона других существующих. Но как и что для этого нужно делать – для меня оставалось загадкой. Пустить всё на самотёк было неразумно, поэтому стала действовать по наитию. Публиковала стихи и рассказы синегорьевских поэтов и поэтесс, делилась красивыми фотографиями Синегорья, комментировала участников, уделяя внимание каждому. Следующим шагом стало создание приглашения в группу и рассылка его. Новенькие авторы с интересом стали делиться творчеством: одни стихами и снимками колымской природы, другие песнями и фотографиями своих поделок, а кто-то рас-

сказами и даже целым романом. Группа пополнялась не только жителями Магаданской области, к ней стали присоединяться люди из других городов России и даже заграницы. Эфир чата набирал в сутки по 200-300 сообщений со стихами, бардовскими песнями, рассказами и тёплыми отзывами участников.

Хочется отметить, что на данный момент в группе «ПОЭТЫ КОЛЫМЫ» более 200 человек. Благодаря активным и неравнодушным поэтам появился не один стих-посвящение нашему литературному содружеству, а некоторые из них стали песнями. Но самым главным достижением и большой радостью, как для меня, так и для участников группы, по праву можно считать приближающийся день выхода в свет коллективного сборника. Пятнадцать авторов решили объединиться и за свой счёт выпустить книгу со своими стихами и рассказами. В публикации приняли участие: Александр Соколовский (г. Магадан), Александр Шишов (п. Ола), Алексей Исаков (г. Магадан), Валентина Абросимова (г. Ейск), Валентина Кузьменко (п. Синегорье), Вера Волкова (г.Магадан), Владимир Левадный (г. Благовещенск), Геннадий Проскурин (п. Дебин), Екатерина Лимонова (п.Синегорье), Елена Хомка (п. Синегорье), Ирина Волынская (г. Магадан), Матвей Дар (г. Магадан), Нина Голяк (г.

Магадан), Ольга Кашаева (г. Магадан), Юлия Кульчицкая (п. Синегорье). Все с нетерпением ждут той минуты, когда можно будет взять в руки сборник и ощутить непередаваемую энергетику книги, навсегда заключившую в себя вселенную души каждого автора.

Благодаря интересным людям, их образованию, мудрости, тактичности, воспитанию и жизненному опыту, атмосфера в группе с начала её образования остаётся тёплой и дружелюбной. Приятно, что между собой участники стали называть сообщество «Островок любви и света». Данное словосочетание не нуждается в трактовке, оно говорит само за себя.

Там находят отдушину не только авторы, давно пишущие и выпустившие в свет не один сборник со своими стихами, но и те, кто начал писать совсем недавно. А некоторые, вдохновившись поэзией участников, стали делать свои первые, пусть неуверенные, но многообещающие шаги в сочинительстве.

Среди дня или вечером после работы участники улучают свободную минутку, чтобы отправиться на виртуальный островок поэзии и прозы. На вопрос «Что именно влечёт их туда?» однозначного ответа не существует. Но без сомнения – каждый из присутствующих находит там что-то интересное для себя.

Одним из первых положительных отзывов стали слова Веры Волковой из Магадана: «Как я благодарна случаю, который, пусть виртуально, но познакомил меня с талантливыми, замечательными людьми литературного сообщества. Вы особенные, в вас душа не спит. Вы – ИНЫЕ... Ваш талант и меня заставляет потихоньку царапать неумелые строки». Такие тёплые отклики и подобные им прямое доказательство тому, что решение создать группу было правильным.

Какой будет дальнейшая активность участников и как долго существует «Островок любви и света» – мне не известно. Но то, что он дал и ещё даст не одному человеку, для меня является лучшей наградой!

Синегорье, или Как Территория стала Эльдorado, а потом зоной...

Владимир Плотников

«Территория... Это страна мужчин, бородатых «по делу», а не велемием моды, страна унтов, меховых костюмов, пурга, собачьих упряжек, морозов, бешеных заработков, героизма - олицетворением жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обыденка. Во всяком случае, вы мечтали об этом в юности».

Олег Куваев «Территория»

Так случилось, что самые счастливые годы детства (5-9 классы включительно) я провёл в заповедном поселке Синегорье на Колыме. В 1974 году родители по договору отправились на Север строить Колымскую ГЭС. Летели самолётом и...

Т.н. «лирическое отступление»

Во-первых, раньше только так и говорили: «Север». Гордо и достойно! Нынче в моде инвалидные «севера»! Новоиспечённый гео-лингвистический уклон в духе «сепаратистских суверенитетов». Это как же надо было ненавидеть Север, чтобы пошинковать великий необъятный и богатейший край на кучу «северков».

Во-вторых, на Север попадали по «большому благу» - столько было желающих. И ехали туда не просто за романтикой (хотя не без того), а зарабатывать реальные (!) деньги, плюс максимальную пенсию. Само собой, за дарма не платили. Север - не курорт, и «новичка с материка» ждала, по крайней мере, полугодовая акклиматизация.

Суровые условия и нехватка витаминов - серьёзная угроза для самого закалённого организма (начиная от цинги). А после 15 лет «северного стажа» организм попросту не выдерживает «материкового» климата. Поэтому отъявленные старожилы, ради продления жизни, вынуждены были якориться на Севере навсегда или в условиях максимального приближения к Колыме. В общем, северный хлеб лёгким не назовёшь.

Третье, авиабилет от Москвы до Магадана стоил в 1970-е годы порядка 170/200 рублей – эквивалентно полновесной месячной зарплате «континентального» жителя, но не выше 1/3 среднего заработка северянина. Увы, ныне на тот же билет (7,5 тысяч рублей в 1999-м, более 30 тысяч в 2008-м, сколько сейчас – ???) рядовому рос-

сиянину нужно горбатиться несколько месяцев, как и северянину! С той разницей, что туда не попал – ладно, а вот оттуда выбраться – уже проблема, и не одна (от денег за билет до перелётного риска)...

Однако продолжим. За годы, прожитые мною (1974-79) в посёлке строителей Колымской ГЭС, его население увеличилось с 3 до 8,3 тысяч. И не было отбоя от добровольцев. Но отсев был строгим: брали более-менее законопослушных и худо-бедно дисциплинированных...

«Для «ребят, населявших семидесятые барак с сугробами по углам, главным в жизни были не деньги, не жизненные удобства, даже не самолюбие. Они весело и твердо подчинялись неписанному своду законов. Твоя ценность по тем законам определялась, во-первых, умением жить в коллективе, шутить и сносить бесцеремонные шутки. Еще главнее было твое умение работать, твоя ежедневная готовность к работе. И еще главнее была твоя преданность вере в то, что это и есть единственно правильная жизнь на земле. Будь предан и не дешеви. Дешевку, приспособленчество в бараке безошибочно чувствовали» («Территория»).

Будь предан и не дешеви...

Демографический пик пришёлся на 1989 год – 11 645 человек. После – неудержимый спад, обвал. За один только 1999-й – народу в Синегорье убавилось аж на тысячу работников (не считая неработающих членов семей)! Остальным тогда просто не хватило всех «бешеных северных денег», чтобы бегством спастись из зоны голода и холода.

Казалось бы, что может быть абсурдней: «строители самой крупной региональной электростанции физически вымерзают?!»...

Как так? Да просто так, спасибо

чубайсовским топливно-энергетическим тарифам! Чубайс с Гайдаром всё делали просто. Пардон, прагматично.

Как известно, тайга изобилует грибами, брусникой и голубикой. Маслята росли буквально в черте посёлка, но относились к третьему сорту. Сытый народ предпочитал «белые», подберезовики, лисички. И вдруг натевам: взвыл «на голод».

Глупые, гордые и капризные северяне, вы разве не слышали про мудрейший «рецепт рыночного преуспевания» от Ирины Хакамады, добрейшей приятельницы Анатолия Борисовича: «собери грибов, продай, ещё раз собери-продай, купи машину и т.д.».

Ах, давно уже опробовали! Ах, «папачея не работала»...

И никогда не работает, ежели все поголовно станут грибниками.

Это в 1970-е годы синегорьевские столы не обходились без говядины и свинины, оленины и баранины. Подкидывали даже арбузы и новозеландских коз. Не говоря про рыбу: от палтуса до горбуши. «Красная», вообще, стоила копейки. Бывало и такое: принесёшь за пятёрку, а в ней на полкило икорки (на «материке» кило тянуло на 30-40 рублей). Вот так «худо» жили.

Что до «большевистских гонений против частной инициативы», так в соседнем поселке Дебин (42 км от Синегорья) жил официальный рублёвый миллионер. «Коренной» северянин сделал свой бизнес на тепличной зелени: петрушка, лук, чеснок... Недурно заколачивали и воспетые Высоцким золотодобытчики. И в том же Дебине жила «рота», коль не две, пленных и совершенно обрусевших немцев, которые отнюдь не стремились променять злую Колыму на пивной фатерланд.

Логически переходим к национальному вопросу.

Единственно правильная жизнь на земле

Синегорье-1979...

Такого этнического многообразия не встретишь в миллионном мегаполисе. И ведь дружно как жили! Криминальная статистика на нуле и, не поверите, стопроцентно без «южной» составляющей. Синегорьевские грузи-

ны и осетины – типичные носители гена «кавказского гостеприимства». Малороссы, те открыто звали Магадан второй столицей Украины.

Моими друзьями были украинские хлопчики Олег Шаповал из Канева и Саша Василенко из Коммунарска (ныне Алчевск Луганской обл.). Где они сейчас, кто они, живы ли? Не хочется верить, но допускаю, что кто-то из школьных товарищей подался в мафиози. А другой в «укропском угаре» клеймит проклятых москалей...

Ребята, пацаны, протрезвейте чутко, вспомните, как мы жили, учились, дружили. Не делаясь на лучших-худших ни по крови, ни по деньгам, все были равны, все уважали, любили друг друга, ходили в кино, гоняли в хоккей...

Между прочим, отец Саши Василенко, капитан милиции, года два в одиночку курировал сразу три поселка: райцентр Ягодное (1989 год: 11 024 чел., 2014: 3 912 чел.), Дебин (1959 год: 4 759 тысяч чел., 2014 год – 614 чел.) и наше Синегорье.

Между тем, северные населённые пункты разделены сотнями километров «белого безмолвия». Но даже в отсутствие милиционера многотысячное Синегорье напоминало коммуны: годами не зная даже бытового воровства, люди не закрывали на ключ дома и квартиры.

За 4 года могу припомнить одно убийство, да и то «по пьяной лавочке» в рабочей общаге! В связи с этим, меня сильно забавляет диалог из «Бриллиантовой руки»: «Приезжайте к нам на Колыму» (актер Роман Филиппов). – «Нет уж, лучше вы к нам» (Андрей Миронов).

Эх, г-н Лёлик, да будь моя воля: с места б, не раздумывая, рванул туда. Да токо вот, увы, финансы не дают, тарифы не пускают.

Лучшие годы детства связаны с Колымой. И не только мои. Это легко понять, ознакомься с интернетотзывами бывших синегорьевцев всех возрастов, сословий и национальностей, разбросанных по 5 континентам «шарика»: все они дружно называют тот образцовый колымский поселок раем на Земле...

Назло комическим куплетам

Не станем здесь про северные кра-

соты: мечту художника и поэта. Что до сурового климата... Человек адаптируется и к 40-градусному морозу, тем более в полном безветрии. А Синегорье идеально раскинулось в сердце величественной котловины на берегу Колымы, в поясе сказочных сопков, и у каждой своё, не всегда поэтическое, имя: «3 богатыря», «Бесстыдница», «Спящий хозяин»...

При -53° мы шлёпали в школу. И ничего: всё помним. И любим.

И как бы назло комическим куплетам: «Колыма, ты, Колыма – чудная планета: 12 месяцев зима, остальное лето», – июльская температура здесь зашкаливает и за +30°. Я-так в ипостаси водолаза всё лето осваивал горную речку Анманнычан и резвую красавицу Колыму. И плевать, что вода прогревалась не выше +10-12°.

А рядом на пляже дымились шапки пылких «строительных бойцов» из Ереванского университета. Ещё одна примета 1970-х: путевку на Колыму оспаривали студенческие отряды всей страны. Да что там, творческие командировки на Колыму (для «обточки пера») были доброй традицией и начинающих уральских журналистов или писателей...

Например, году в 1975-м к нам, домой, на огонёк заглядывал замечательный «командированный прозаик» Леонид Кокоулин. «По заказу партии» он «писал с натуры» свой прекрасный производственный (а ещё больше ху-

дожественный) роман «Колымский котлован. Из записок гидростроителя». Его ради и для, Леонид Леонтьевич два года отдал Синегорью и Колымской ГЭС.

Днём пахал на стройке, вечерами творил большую и красивую книгу, вышедшую в издательстве «Современник» (1977), затем в «Профиздате» (1980), плюс премия Всесоюзного конкурса ВЦСПС и СП СССР «на лучшее произведение художественной прозы о современном советском рабочем классе». О рабочем тогда заботились. О бандите, банкире, брокере – увы, не так. За них вовсе не переживали, за неимением «такового»... слёзы по причине сей, думаю, опять же проливать некому.

Зато вот как приветствовал явление рабочего романа блистательный сибирский мастер Вячеслав Шугаев:

«Редко видимся, редко переписываемся, и давнее дружество наше как бы стихает, растворяется в мельтешении и давке дней. Но до некоего часа, когда настойчиво подступает к сердцу: «А как там Леонтьич? Будто в воду канул. В самом деле как? Жив ли, здоров ли?»».

И он появляется, словно услышав это беспокойство, а скорее всего потому, что хороший человек всегда лёгок на помине. Плотный, уже несколько отяжелевший, с рыжевато-каштановой густой бородою:

– Здорово, дедушка! Чай будем пить или в баню сначала сходим?

– У, Леонтьич, ты куда пропал?

– Да, тут неподалёку был. ГЭС на Колыме строю, – его зеленовато-желудёвые глаза блеснут весело и бесовато»...

Видел я этого человека. Пацаном... Нет его уже. Страшный вопрос: а остались ли такие: Лёнька со Славкой, МУЖИКИ, СТРОИТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ? Никто не скажет уже теперь, чего было в каждом больше. Потому что тогда было в каждом – ВСЁ!

Кстати, парой лет позже, залетал в поселок наш (1078) и Евтушенко Евгений: «своими чтобы глазами увидеть настоящий созидательный взрыв» (может быть, и в створе плотины) и синхронно блеснуть на

творческом вечере в кинотеатре «Современник», в новом тысячелетии сожжённом нынешними вандалами – на пару с великолепным детским профилакторием.

Как так? Я не про пожар, про командировку в сто тысяч – по нынешнему! Даа просто так: Советская высшая школа и Советский Союз писателей могли себе позволить (то есть профинансировать) и такую, опять же типичную, форму студенческих и литературских стажировок с «синхронной» подработкой!

А сейчас слабо? Правильного ответа от бывших «примерных комсомольцев» не дождетесь и под пыткой!

1990-е: Котлован или Чевенгур?

Если бы в 1989 году кто-нибудь сказал «бедным» синегорьевцам: «Через 10 лет вам грозит голодная смерть», – они, скорее, загнулись бы от смеха. А зря. В 2000 году в редакцию газеты «Советская Россия» пришло письмо 200 жителей Синегорья, где живописались и не такие «чудеса». Из «альтернативных источников» стало известно, что одно время там всю домашнюю живность пустили «на котлеты».

КАК?! Ведь 40 лет назад едва ли не у каждой синегорьевской семьи имела своя Жучка или Дозор. А на грибных окраинах гнездились настоящие собачьи городки: вольеры, будки, в которых жили ухоженные и красивые лайки. Я так сразу двух близняшек «воспитывал»: Туман и Буран.

Теперь без прикрас. Богаче всех в Магаданской области жили чукчи (нынче-то Чукотский округ «отсуверенизировался» от Магадана). Что естественно: непубликуемых сородичей Юрия Рытхэу кормили олени стада, охотничий и рыбный промысел, резьба по тюленьей и моржовой кости.

Но, без шуток, лучшей «невестой с приданым» на Севере считалась молоденькая... чукча, чьё «среднее приданое» колебалось в пределах оленьего стада – эквивалентно десяткам тысяч рублей (когда доллар котировался на уровне 60 копеек)! А вот на рубеже тысячелетий «суверенные» чукчи вымирали хлеще, чем при царе-батюшке, продолжая при этом голосовать за новых столичных «кормильцев» – Абрамовичей...

Само собой, «северный» народ умел не только вкалывать. Для спортивных, развлекательных и оздоровительных надобностей к началу 1980-х Синегорье располагало парой кинотеатров; несколькими спортивными площадками и спортивным комплексом со стадионом, бассейном, гимнастическим залом. Плюс супермодерновая слаломная трасса; три больших магазина; две гостиницы; поликлиника; больница и мед-центр, чей корпус с хирургией украсил бы любой крупный город; две школы; детские сады; телецентр; газета «Синегорье», которую редактировал член Союза писателей России Анатолий Суздальцев. Ныне из культ-учреждений там в полную силу действует храм.

Один на один с «хозяином тайги»

А в 1978 году поселок обзавёлся собственным одноимённым аэропортом. Ради одного самолета «АН-44», совершавшего единственный за сутки рейс в Магадан! Фешенебельному аэропорту позавидовал бы любой современный областной центр. Два этажа. Шикарные буфет и зал ожидания, сверкающий кафель, мозаика, зеркала, телевизоры на каждом углу... Ликвидирован в 2000 году «за ненадобностью».

Вот так заботились о тружениках Севера «проклятые Советы», которые почему-то никогда не считали резервную кладовую природных сокровищ России балластом на её могучей шее.

Их «сменщики» утвердили обратное:

Север – это ярмо, которое впору спихнуть любому охотнику: янки ли, япошкам ли, реке ли Янцзы...

Населяющие Север аборигены пушай, дескать, сами выкручиваются (читай, загиваются) в условиях «естественной резервации».

Но наиболее, пожалуй, великим «демократическим» завоеванием стала абсолютная невозможность борьбы с произволом администрации. В этой связи приведу ещё один пример из времен «застоя».

Да, самодуров хватало всегда. Угол-то медвежий, где «хозяин тайга».

Так вот, в 1978 году мою маму, Татьяну Дмитриевну, местное начальство уволило. Незаконно и безапелляционно. Чаще всего такое сходило им с

рук. Только на сей раз не на ту напали. Не пожелав мириться с беззаконием, простая советская женщина дошла до Москвы. Уже через две недели она попала на приём к министру энергетики (товарищу Непорожнему) и Генеральному прокурору СССР (лично тов. Руденко). А месяц спустя её восстановили на работе, и руководство стройки... любезно извинилось за произвол и предложило трудиться на благо Родины!

Вдумайтесь ещё раз: маленький человек из таёжного уголка, отёртый от столицы 33 далями, повёл борьбу против «хозяина тайги» и победил!

Было и стало

И освоение Севера было нужно, а главное, выгодно обеим сторонам. Государству и северянам, а в совокупности народу и стране. Труженики Севера, на пределе сил и нервов, строили и добывали полезное и важное. Но и получали ведь от благодарного, заинтересованного в труде их государства с избытком. Всё было востребовано, необходимо. И оценивалось по достоинству! Игра стоила свеч.

И нате!!! В 1990-е тяжёлый труд, заслуженные надбавки и льготы, «северный стаж» и пенсионный максимум (132 ре), годы без отпуска и изношенное здоровье – всё это перечеркнули и отменили «наглые, агрессивные и предприимчивые». «Комсю-

ки во власти» глумливо заявили миллионам северян: «Здря, совки, корячились»!

Почти по мультику: «Мы долго-долго строили и, наконец, построили».

Ну и касаясь упомянутых здесь «преlestей Колымы-1999»: взяты они не с потолка. В 2000 году почти 200 человек из Синегорья окольными тропами лапотных ходоков, через Тверь (было и так!!!) донесли-таки свой хрип боли и мольбы до редакции газеты «Советская Россия».

Сейчас мне даже страшно представить, что бы стало с моей мамой, посмей она 22 года спустя восстать против ТЕХ колымских властителей («демократического посола»). Про визиты к министру энергетики и Генпрокурору смешно и думать. Чай, не чайка, чтобы долететь.

Надеюсь, более нет нужды объяснять, почему житель Севера, а также гражданин СССР и Великой России никогда не поймёт и не примет логики расчленителей Союза – селекционеров жалких и запущенных, вымирающих и замерзающих «северов»?!

И почему-то «в тему, ровно в жилу» вспомнились мне удивительно провидческие слова, вложенные Куваевым (1974) в уста «среднего интеллигента и единичного философа» Гурина:

«Хочу дожить до восьмидесяти. Посмотреть, чем всё это кончится...

Вторая техническая революция. Всеобщее забалдение. Квартиры, финская мебель, мечта жизни – машина. Приобретатели, по-моему, собрались захватить мир. И ну его к черту!».

И ведь Дожил. И так Оно и стало.

А грызли не грызли

Вопрос: но где же другие, не приобретатели, а созидатели?

«День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создаётся сегодня. Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?...» (последний абзац романа *«Территория»*, ради которого по признанию автора и писалась вся книга).

Я долго не мог, вернее, отказывался понять, как удалось тех Людей Цели и Дела (Чинкова, Монголова, Баклакова у Олега Куваева; «Деда», Талипа, Андрейку у Леонида Кокоулина), перетереть и переиграть каким-то скучным, слабым и серым грызунам: бессистемному диссиденту Гурину и системному чиногрызу Робыкину?

Понял-таки. Да ведь сам же Куваев говорил, что при хорошем здоровье нормального геолога на Колыме хватит лет на тридцать (и это с попутными 2-3 инфарктами), а потом...

Вот и ответ: тундра и инфаркты выкосили Людей досрочно. Тот же Куваев ушёл в 40, полный сил и замыслов.

А грызуны пересидели, переиграли, перетёрли и оседлали чужую крупу.

Так и хрустят, жиреют, лопаются, потому как переварить не дано. Даже опупеть не получается: ввиду редкостного несчастья. Этому виду просто не понять ясного человеческого вопроса: «Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель? Где были, чем занимались вы все эти годы?»...

Грызли.

Тихо. Тупо. Серо...

Виктор Шмелев

Виктор Александрович Шмелев, родился 8 мая 1985 года в Нижнем Новгороде (на то время г. Горький) где постоянно проживает.

В 2008 году закончил юридический факультет Нижегородского Коммерческого Института и в том же году поступил на службу в ФССП по Нижегородской области, где проработал на различных должностях 6,5 лет. В настоящее время трудится в коммерческом банке.

Литературой увлекается с ранних лет, читая многое от классики, стихов и исторической прозы до прозы современной и фантастики.

Попав однажды на охоту, понял, что «пропал». С тех пор является страстным охотником, а также занимается «подсадными» утками, считая данную охоту одной из самых ярких и насыщенных.

Увлечения охотой и литературой выливаются в рассказы и зарисовки посвященные темам охоты и взаимоотношений человека с природой.

История одного пса

Лайку звали Кунак. Наряженный природой в строгий черный костюм, с белым пятном галстука на груди, коим пес очень гордился, Кунак знал, что его имя означает – друг. Так, по крайней мере, объяснял хозяин всем, кто интересовался прозвищем собаки. Особенно запомнилось, как хозяин первый раз привел его, еще совсем молодого щенка, в большой, пугающий и вместе с тем манящий какой-то неуловимой тайной лес. На широкой опушке, среди множества людей, пахнувших незнакомым, причудливо смешанным запахом дыма и железа, среди собак, свысока поглядывающих на ступавшего собрата, хозяин и объявил, что Кунак не просто новый охотник, но и его друг.

С той памятной поляны и начал разматываться клубок охотничьей жизни Кунака. Пес прилежно постигал ремесло, с каждым годом матеря и все более набираясь опыта. Азартно облаивал мошников и пушистых куниц, «челночил» по краснобровым косачам, развертывая на бегу бублик хвоста, гонял лис, не раз доводилось связываться и с кабаном. Мелькал его белый галстук и среди болотного камыша, когда бывал по утке, но сам пес все же отдавал предпочтение зверю, находя именно в этой охоте ни с чем несравнимый азарт, разжигавший из искры в глазах настоящий пожар. Летели годы, лес давно уже

не казался таким большим и уж тем более перестал пугать, однако не растерял своей тайны, все также продолжая манить своей неведомой силой. Спокойный по своей натуре, в лес Кунак срывался с радостью, не дожидаясь команды, угадывая желание хозяина отправится на охоту по одним его глазам, в которых читался точно такой же огонек азарта. Вот, встретились два горящих одной страстью взгляда, и пес черным вихрем убежал далеко вперед, чтобы затем, вывалив язык, в нетерпении поджидать хозяина, коего слушал, однако, во всем.

Был Кунак и верным другом. Давно уже нечто большее, чем удачливые и не очень охоты, связывали человека и собаку. Пес верно и безошибочно угадывал настроение хозяина и когда глаза последнего вдруг наливались грустью, грустил вместе с ним. Сидел рядом с поскрипывающей скамейкой, под яблоней во дворе, прижимался теплым боком к ногам и когда тот начинал выговариваться собаке, изливая накопившуюся одиночеством горечь, клал узкую морду ему на колени, внимательно слушая. За что хозяин, Кунак это хорошо чувствовал, был ему горячо благодарен и отвечал взаимностью.

Спустя время в доме появился щенок, такой же черный с белой отметиной. Его привел хозяин и, поглаживая Кунака, запуская паль-

цы в пышный воротник меха, сидя на все той же скрипящей лавке, объяснил, что это их младший друг, что за ним нужно следить, и всячески воспитывать в нем будущего охотника, а уж втроем то они такие охоты устроят, что держись. Щенок же, закрутившись на месте в погоне за собственным хвостом, немедленно огласил округу звонким лаем, от которого резало уши, за что немедленно получил прозвище – Сигнал.

Кунак к делу воспитания подошел со всей ответственностью, ведь об этом хозяин попросил. Однако молодой, в отличие от Кунака, отличался нравом беспокойным и все норовил куда-то сбежать или погонять кур и крикливых уток, живших во дворе, или незаметно подкрасться к пригревшейся на заборе кошке, спугнув последнюю своим звенящим лаем и вызывая тем самым невообразимый переполох. За что бывал и наказан, либо хозяином, либо мудрым и спокойным Кунаком, никогда не позволявшим себе таких вольностей и одергивающим молодого. А однажды, в летнюю жаркую пору, и как только Кунак не досмотрел, ведь на минуту прикорнул в тенечке, щенок улизнул через щель в заборе и был таков. Вскоре его звонкий лай донесся из недалекого перелеска, что под горой за деревней и Кунак поспешил разыскивать беглеца. Сигнал лаял не переставая, с нотками не-

поддельного и так хорошо знакомого азарта. Задрав голову, приплясывал вокруг дерева, на ветке которой обнаружилась обыкновенная белка. Векши хозяина интересовали мало, это Кунак знал точно, это не куница, да и время сейчас было не охотничье, не было такого на памяти пса, чтобы в знойный летний день ходили на охоту. Однако образумить щенка никак не выходило, горевший куражом Сигнал старательно облаивал белку и на увещевания старшего собрата не обращал внимания совершенно никакого. Впрочем, как и на прикатившего, на велосипеде, хозяина, отвлекшегося от дел ради выяснения причин переполоха. Однако и его слово силы не возымело – Сигнал, притопывая лапой, звонко будил округу. Старшие товарищи вернулись в дом, оставив молодого звенеть под деревом, но Кунак, между тем, чутко прислушивался к задорному лаю собрата, ухватившего охотничью страсть.

Солнце уже налилось краснотой и покатилося под гору, когда от перелеска донесся громкий взвизг, а за ним и скулеж, преисполненный глубокой горечи и обиды. Спустя время прилетел и Сигнал, кинувшись с жалобным визгом напрямик к хозяину. Видели бы вы его. Одно ухо у бедолаги распухло заплыв, верно, с осой заигрался глупый, та и тяпнула, вот и векша сразу неинтересной стала, так и примчался сразу. А хозяин-то, и смеется вроде над плачущим щенком, а сквозь смех чувствуется жалость. Весело жилось, в общем то.

А потом хозяина не стало. Кунак хорошо помнил эту зимнюю холодную ночь кидающуюся снегом. Помнил, как хозяина сажали в машину, гулко и отчего-то так тревожно хлопающую железными дверями, помнил, как доносились обрывки фраз и непонятное слово «больница», помнил, как перемешались с воющей метелью чувства тоски и безнадежности. И навсегда запомнил красные огоньки глаз скрывающейся во вьюжной ночной пелене

машины, в которой увозили его хозяина... и друга. А через несколько дней около дома появилось много людей и Кунака с Сигналом заперли в вольере. Но самое страшное – Кунак больше не чувствовал хозяина, не различал в этой гомонящей и плачущей толпе его запаха, от того, не помня себя метался по тесной клетке, взлаивал, срываясь на визг, стремясь выбраться, ударялся об решетчатую сетку вольера. К вечеру люди разъехались и тишину дома, притаившегося под морозом, не нарушил ни привычный свет в окнах, ни запах дыма из трубы. Тревога долго не отпускала пса, заставляя покусывать и нервно прохаживать по тесному вольеру.

Следующим днем увезли Сигнала. На молодого щенка накинута веревка и затащили в открытый кузов машины. Глупый еще, но, словно и он, чувствуя расставание, изловчился зубами распутать узел и юркнуть в закрывающуюся дверь, между расставленных рук двух мужиков. Кинулся было навстречу и Кунак, обнажая в оскале зубы, в стремлении защитить своего. Однако его отогнали, заперев в вольере, люди, жившие в соседнем доме, в гостях у которых часто бывал хозяин.

С того дня жизнь пса круто изменилась, затухала искра азарта в глазах, сменившись пеленой безысходной тоски по прошедшим дням страстных, горячих охот, по лесным тропам, высланных ковром хвои, по заросшим лугам с их подъемами косачей, по притаившимся среди ветвей куницам, да много почему. Но сильнее прочего жгла тоска по хозяину, обращая в пепел то, чем раньше жил пес, заставляя в глухие темные ночи, изливать тяжелую горечь протяжным воем в безответное черное небо. Оставшись один, Кунак все больше лежал на сене в сарае, уронив морду на лапы, не интересуясь совершенно ничем, принимая пищу от тех же соседей. В дом периодически кто-то приезжал, что-то де-

лал, но большее время он пустовал. Тоскливо пролетали дни, меняя времена года, а пес все также бессмысленно лежал в своем сарае, из которого была хорошо видна лавочка под яблоней, на которой так любил сидеть хозяин, либо бесцельно бродил по деревне, словно что-то разыскивая. Об летнюю пору, когда деревня наполнилась людьми, копошащимися по огородам, на пыльной проселочной дороге Кунаку встретился длинноногий пес, городской, белый, с целой россыпью черных пятен. Со скуки пробовал поговорить с ним, однако о чем можно разговаривать с собакой, ни разу в жизни, не бывавшей на охоте? И даже больше – не представляющий как это, а главное, зачем гоняться за какими-то лисами или лазить по болотам и лесам выслеживая добычу. Глупость одна на уме, да и только.

Пролетело жаркое лето, облетели пышные зеленые одежды, природа оделась в золотые платья, а затем, сбросив и их, укрылась пышной белой шубой. К середине весны, когда копыта сугробов стали оплывать, тая воском под лучами все ярче припекающего солнца, обозначаясь чернеющими жидкой грязью проталинами, когда застучал по железному водостоку звонкий барабан капли, все чаще стали разноситься в эфире воздуха крики прилетающих утиных стай, отзываясь волнующим чувством заснувшей охотничьей страсти в душе Кунака. Одним, еще ранним, сонным утром, подхваченный каким-то внезапным порывом, пес, сбросив оцепенение меланхолии, выбежал на улицу, приняв и крутя головой в поисках причины беспокойства. Завидев человека, бодро шагающего за околицу, все с тем же неясным чувством, потрусил на встречу. Человек был знаком, Кунак хорошо помнил его запах, много раз бывал он у хозяина, проводя с ним вечера в разговорах, все на той же лавочке под яблоней, помнил как-то пес его и на охоте.

- Кунак! - завидев пса, явно об-

радовался человек, протягивая навстречу руку с явным желанием погладить, однако пес от таких приветствий уклонился. – Ай-ты, хороший, ну как дела, рассказывай. Что, тоскуешь небось по хозяину? – продолжил человек, грустно вздохнув, – Вот ведь как дело то вышло.... А я до реки собрался, шалаш надо проверить, открытие скоро. Пойдешь со мной за компанию?

Человек махнул рукой, туда за деревню, в сторону покатога луга и Кунак, как-то неожиданно для самого себя побежал вперед. Ах, как широко, как вольно дышалось на просторе, как закружил голову терпким хмелем аромат просыпающейся природы. Казалось серый прежде мир, вновь обретал краски, делился своим теплом, вливая жизнь в пса. А достигнув речки, говор которой долетал уже издалека, Кунак вдруг уловил чутким слухом утиное бормотанье в заволды прилежно скрытой кустами. И вот тут взыграло ретивое, пес, не помня себя, широкими прыжками бросился в заросли, коротко и глуховато взлаивая, выгоняя переполошившуюся стаю прямо на поспевающего человека. Вот сейчас, сейчас, вплетется в этот пернатый гомон отрывистый вскрик ружейного выстрела и пес, застывший среди жухлой травы, подберет честно добытую птицу. Однако так ожидаемого выстрела не последовало, стая, беспокойно ругаясь, быстро скрылась из виду и пес, растерянно замер на месте.

«Неумный какой-то, верный выстрел был» - подумал он. Ставшее уже привычным уныние, властно выметало мгновением пролетевшую страсть и Кунак, повесив голову, побрел домой, не реагируя больше на что-то сбивчиво говорившего в след человека. Тяжело вздохнув, рухнул на свой соломенный лежак, растревоженный вскипевшим, было, азартом. Разбредила душу эта короткая прогулка, прорвала плотину паводком нахлынувших

воспоминаний, и не раз еще пес вспоминал и ее и незадачливого охотника.

Они повстречались вновь, поздней осенью, когда природа ужедохнула ноябрьской стужей, сковывая раскисшие от дождей дороги, а заждавшиеся нарядов из белых шуб, деревья еще чернели наготовой. Человек сам пришел к Кунаку, настороженно приподнявшемуся с сена, но на этот раз из-за плеча человека виднелось ружье.

– Ну, что друг, все грустишь? – поприветствовал пса охотник, – айда со мной. В лес пойдем, на охоту! Догоняй, – И, не дожидаясь ответа, уверенно зашагал за деревню.

«Ага, так и побежал» – подумал пес, провожая взглядом удаляющуюся фигуру, однако из сарая выбрался – «Сходили уже раз с тобой» – с этой мыслью пес медленно сделал пару шагов. – «Больше не пойду» – переходя на бег, думал пес, догоняя человека. А когда тот, обернувшись, махнул призывно рукой, словно дрожь прошла по телу и Кунак, на миг, замерев на месте, стрелой бросился вперед, обгоняя охотника. С каждым шагом словно слетал с собаки дурман сна, как вылинявшая шерсть, уступая место чему-то новому, что-то просыпалось внутри. Зарделась искра в потухших безразличием глазах, а достигнув леса и вовсе разгорелась, пока еще робким, но уже огоньком. Сомкнулись кроны над головой и пес, словно наконец-то обрел то, что давно потерял. Каждая тропка, каждый куст, все было знакомо, словно и не было этой разлуки, словно только вчера он бегал по этим дорожкам. Уткнувшись носом в землю, Кунак, все больше погружался, в родной, знакомый ему мир, ноги сами несли его вперед, выискивая знакомые запахи. На лесной дорожке застыл, нетерпеливо помахивая кренделем хвоста, не удержался, гавкнул, поторапливая

напарника. Нет, не узнать теперь пса – веселым, живым задором искрили ясные глаза.

Пробежав берегом лесного ручья, уже тронутого ледком, Кунак замер как вкопанный и, секундой покрутившись на месте, уверенно свернул с тропинки в сторону высоких деревьев. Ни буреломом, ни кустарником не могли сбить пса с четкого пойманного куньего следа. Не было больше собаки, тоскливо провожающей дни на лежаке из сена – был охотник, опытный, азартный, мудрый, не растерявший с годами ни одного своего навыка. И даже когда след уходил вверх, идя верхушками деревьев, Кунак не путался, легко идя по видимой только ему нити. Дневку каштанового зверька он нашел быстро и тишину, уже притихшего в ожидании зимы леса, разорвал громкий азартный лай.

Подоспевший во время охотник едва разглядел посверкивающую бусинами глаз, притаившуюся среди ветвей куницу, неуверенно поднимая ружье. Однако Кунак заливался лаем, нетерпеливо поглядывая на напарника, словно показывая ему носом острой морды, где замер зверек. «Давай, не медли» - казалось, кричали глаза собаки, и охотник не оплошал. Пронеслось эхо выстрела, и желанная добыча упала на хвойный ковер. Сегодня пес был благодарен человеку.

Кружились снежинки, в ленивом танце укрывая землю, подхваченные легким ветерком ложились и тут же таяли на носу собаки. Кунак, наблюдая за белым хороводом, все также лежал на своем сене, в сарае, из которого так хорошо видна лавочка под яблоней, однако в глазах пса, светившихся тихим, спокойным светом, больше не было той бесконечной тоски. Пес знал, что еще кому-то может быть нужен и что не раз еще вскипит азартом охотничья кровь.

Елена Воротникова

Дорогой читатель, радуюсь встрече с тобой! Живу я в городе Бердске Новосибирской области. Родилась и выросла на Кубани. Жила и на Дальнем Востоке... А вот до Севера не добралась! Зато мои стихи сегодня читают в Магадане! Здорово!!! Благодарю всех, кто сделал это возможным!

* * *

И так подумаешь, и этак...
И что-то надо выбирать...
Тетрадь судьбы полна заметок...
Но смысла нет её листать.

Я лучше новую открою
И первой строчкой напишу:
Прекрасно быть самой собою!
Благодарю, что я живу!

А если нужно сделать выбор,
Хочу я с главного начать:
Пусть будет в миллион улыбок
Любовь во мне всегда сиять!

Слёзы сильных – это миг
отчаянья.
Только миг.
И снова шаг вперёд!
Сил они не тратят на ворчание,
И не знают слова «не везёт».

Всё, что происходит –
только к лучшему!
(Пусть оно не сразу на виду.)
Сильные сдаваться не приучены...
Сильные творят свою судьбу!

Я скажу себе: «Довольно!»
Наступил тот самый миг,
Чтобы стать мне птицей вольной...
Отговорок никаких!»

Выше всех границ и правил,
Выше связей всех земных
Дух взлетит, крыла расправив,
Я – за ним, себя забыв!

Во Вселенские объятья
Окунусь я с головой...
Ах, какое это счастье:
Приподняться над собой!

Владимир Левадный

Родился я 1979 году 26 августа, в городе Борисоглебске Воронежской области. После армии уехал в город Благовещенск, где создал семью живу и работаю по сегодняшний день.

Стихи пробовал писать ещё в школе, но не отнесился к этому серьёзно и их даже не сохранил. Повзрослев и встретив свою будущую супругу, вернулся к творчеству, но, как говорится, писал всё в ящик письменного стола. И только с 2017 года начал делиться стихами с друзьями.

МОТОРА РЁВ

Мотора рёв уж спозаранку,
Воспламенил ключа лишь оборот.
И вот уж я кручу баранку,
За поворотом, поворот.

Колёса мерят Километры,
И коленвал чеканит пульс.
Дорог извилистые ленты,
Укажут нам тот верный курс.

А прыть лошадок под капотом,
Нас увлекая за собой.
Лишь в даль несут лихим галопом,
Срастаясь в целое с тобой.

И кровь горючей смесью стала,
И через фильтр дышишь сам.
А кожей чуешь звон металла,
И кости стали частью рам.

Нет лучше запаха соляры,
А солидол прекрасный крем.
И фары будто окуляры,
Дорог осветят сложный крен.

Меня поймёт лишь тот, кто в теме,
Кто по дорогам колесил.
Кто разум не терял в проблеме,
Ведя машину и без сил...

Камчатка

Прекрасный, дивный, милый край,
Укрытый девственной природой.
И для животных просто рай,
Хоть и не балует погодой.

Она во власти океанов,
Что омывают этот край.
Край вечно действующих вулканов,
Попробуй все их сосчитай.

Кто спит давно, а кто проснулся,
Пугая всех своим величием,
Дрожью земли когда очнулся,
И будет главным их отличием.

Он с человеком в мире существует,
Деля леса и реки, гейзеров долину.
Своей свободой не рискует,
Судьбу доверив Исполину.

Хранить таким родной свой край,
С той красотой и полного достатка.
Чтобы была кусочком рая,
Не покорённая Камчатка.

Марина Свиридова

Родилась в сибирском городе Омске 20.09.1970 года, но всю жизнь живу в Белоруссии г. Новополоцке Витебской области. Работаю библиотекарем в музыкальном колледже. Стихи пишу давно. Я являюсь номинантом премии «Поэт года» за 2013г, 2014г, 2017г., номинантом премии «Наследие» за 2015 г.

В 2017 году вышла авторская книга «Песни души моей, которые поют», так же напечатаны стихи в сборниках «Со - бытие», «Священная память». «Одухотворяя сердца», «Восхождение», «Час блискавец», «Ожившая поэзия 2». Состою членом нашего литературного народного объединения «Литературной Ковчег». На мои стихи написано более 260-ти песен, которые поются в Беларуси, России, Израиле, Германии.

Памяти Марины Цветаевой

*“Думали - человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
Плачьте о мёртвом
Ангеле”
Марина Цветаева.*

Погубить хотели человека,
Нагоняя на него тоску,
Он не прожил даже и полвека,
Жизнь свою теряя по глотку.

Сердцем он писал стихи для мира,
Воспевая солнце и закат,
И звучала трепетная Лира,
Может быть порою невпопад.

Но сердца открытые, с любовью,
Вслушивались в строки не таясь,
Не боясь, что обернётся болью,
И поэт погибнет, не простясь.

А другие душу осквернили,
Вырвав крылья, небо отобрав,
Не желая, в память превратили,
Не падение, а взлёт, проспав.

С новой силой зазвучало слово,
Ангел чистый в свет его несёт,
И Поэта, будто бы Святого,
Дальше жизнь возвышенно идёт.

Сонет. Любви божественный бальзам

Я осень пью с любовью пополам
По капельке чудесного напитка.
Любовь свою ветрам я не отдам,
Ведь без неё не жизнь, а просто пытка.

Я пью души божественный бальзам,
Боюсь те капли расплескать впустую,
Боюсь, а вдруг случится вновь обман,
Ну как тогда, в минуту роковую.

Я осень пью с любовью пополам
И пьяная от счастья неземного,
За то спасибо говорю Богам,
И в жизни не прошу себе другого.

Я осень пью с любовью пополам,
О как горчит божественный бальзам!

Сонет. Отмените, пожалуйста, осень!

Отмените, пожалуйста, осень,
Отмените скорее печаль!
Так грустна неба серого просинь
И берёз золотая вуаль!

Отмените, пожалуйста, вылет,
Журавлей голосащих, на юг!
Ведь тоски моё сердце не примет,
Не найдёт в том полёте приют.

Отмените, пожалуйста, ночь,
Что ложится на плечи сейчас.
Подарите поэту вы строчку,
Ну хотя бы всего лишь на час!

Отмените, пожалуйста, осень!
И стихи он напишет для вас!

Как божественна здесь природа

Как Божественна здесь природа,
Красотою сердца пленит,
Словно девочка - недотрога
От чужого взгляда дрожит.

И стоит величаво и чинно
В первозданной своей красе,
Как младенец совсем невинна,
В сумасшедшей той тишине.

И боишься к ней прикоснуться,
Чтоб нечаянно не спугнуть,
Но всё ж хочется дотянуться,
И дотронуться хоть чуть-чуть.

И вдохнуть в себя это чудо,
Породниться навек душой,
Умереть на мгновенье будто,
Обрести сердечный покой.

С новой силой потом воспрянуть,
Ощувив два крыла за спиной,
От унынья чтоб не увянуть,
Продолжая свой путь земной.